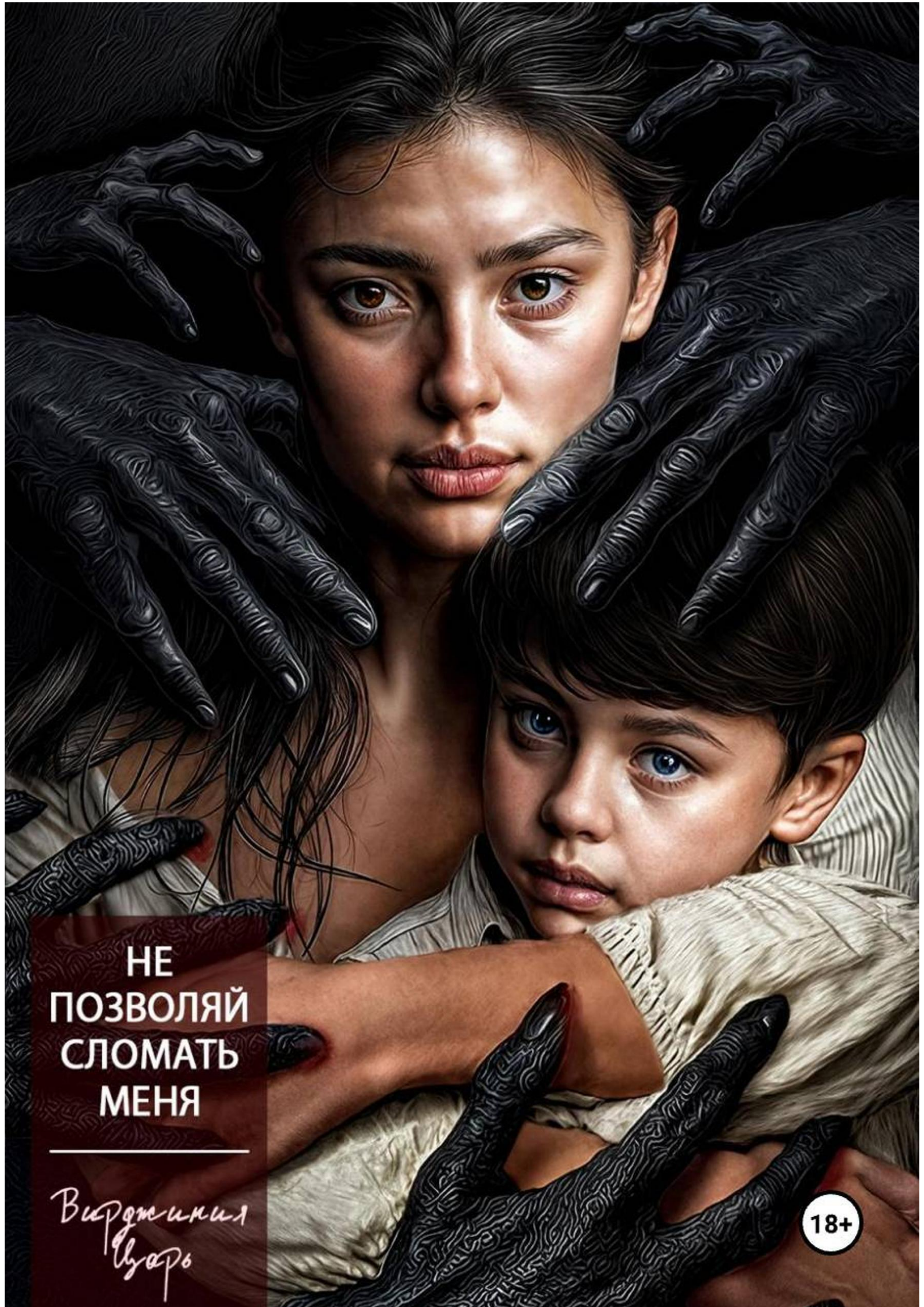

НЕ
ПОЗВОЛЯЙ
СЛОМАТЬ
МЕНЯ

Вирджиния
и Король

18+

Вирджиния Царь

Не позволяй сломать меня

«Автор»

2025

Царь В.

Не позволяй сломать меня / В. Царь — «Автор», 2025

Я вернулась в город, боясь, что прошлое настигнет меня внезапно — так, будто этих пяти лет бегства не было вовсе. Но оказалось, я страшилась не того. Майкл сумел разрушить то, что, как мне когда-то казалось, спас. Он прошёлся по моей гордости, стёр последние следы веры — не только в людей, но и в меня саму. Учиться жить заново после того, как тебя растоптали, мне не впервой. Но сейчас всё иначе. Я устала. Я жажду покоя, а тьма, как всегда, настойчиво тянет вниз, вынуждая судорожно хватать остатки света и надеяться, что смогу удержаться на поверхности. Хотя бы ради Джорджи.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	35
Глава 7	42
Глава 8	48
Г	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Вирджиния Царь

Не позволяй сломать меня

Глава 1

«Самое страшное — не потерять любовь.
Самое страшное — осознать, что она всё
ещё есть, даже когда всё кончено.»

Как сказали бы классики, утро начинается не с кофе. Оно начинается с отражения в зеркале — безмолвного, но беспощадного. На лице — следы разочарования и жалости к самой себе. Солёные потоки слёз будто разъели её до болезненной красноты. Даже несмотря на жжение и боль, я не могла остановиться. Днём я умывалась слезами, а в мыслях снова и снова теряла всё, что так бережно выстраивала — кирпичик за кирпичиком, веря каждому слову, как прочному основанию.

С наступлением ночи плач уступал место бессоннице, кошмарам и полумраку, который прокрадывался под одеяло, напоминая: я здесь главный. Лицо в зеркале казалось чужим — словно на меня надели маску против воли. Я верила, что после всего, что случилось пять лет назад, мне больше никогда не придётся чувствовать такого отвращения к себе. Но жизнь, как всегда, диктовала свои правила. Даже мысли о Джорджи больше не вытаскивали меня из той ямы, в которой я оказалась.

Прошло чуть больше недели, как я живу в родительском доме у реки — теперь уже доме Аны. Она и Джорджи уехали через два дня, оставив меня наедине с собой. Я позволила сыну выбирать самому, и он решил вернуться с Аной.

Казалось, стоит остаться одной — и станет легче. Но я снова ошиблась. По вечерам я выходила на прогулки, рассматривала берёзы вокруг дома — как мы делали когда-то с мамой. В темноте деревья тянулись вверх, тонкие, холодные, как призраки. Но они больше не пугали меня, как в детстве. Напротив, в их неподвижности было что-то утешающее.

Ночи стояли чёрные, ветреные, пугающе тихие. Звёзды в хаотичном беспорядке заворачивали, отрывая от мыслей. Я могла бродить часами, не думая ни о чём. Но стоило вернуться домой — и всё возвращалось. Иногда даже сильнее, чем прежде.

Я проваливалась в это состояние день за днём — как в трясины. Внешне всё было спокойно: река, тени деревьев, запах сырой земли. Но внутри — вязкая, немая безысходность. Я тонула.

Кейт поняла всё без слов. Я пыталась объяснить, сбилась, расплакалась — и она лишь сказала:

— Возьми столько времени, сколько нужно.

Работа и вечерние прогулки были единственными вещами, которые помогали мне не задохнуться. Первые дни я делала задачи на автомате, но вскоре начала теряться в чертежах, и, пусть на мгновение, дышать полной грудью — будто всего этого никогда не было. Тогда я попросила Кейт загрузить меня по максимуму.

С приближением Рождества, до которого оставалась всего неделя, исчезли даже самые стойкие полевые цветы. Дул резкий, колючий ветер, который срывал с деревьев последние листья и гнал их по серой, измятой волнами поверхности реки. В такие промозглые дни, когда по небу бежали тяжёлые, свинцовые тучи, я подолгу стояла у берега, наблюдая, как вода закру-

чивает листву в хаотичном, будто нарочно бессмысленном танце. Домой я возвращалась только тогда, когда переставала чувствовать руки и ноги. До сих пор удивляюсь, как я не заболела.

Каждый день я разговаривала с Джорджи и Аной. С каждым звонком мне становилось всё труднее улыбаться сыну и находить объяснение, почему мама пока не может вернуться.

Ана, как всегда, не чувствовала границ. При каждом удобном случае она поднимала тему, которую я даже мысленно не решалась называть по имени.

— Он каждый день стоит у нашего дома, — говорила она. — Ждёт, надеется... просто поговори с ним, послушай. Он ведь...

Но я не хотела слышать даже звука его голоса. Мне хватало голосовых сообщений и смс, что приходили до того, как я его заблокировала.

Кейт была на моей стороне. Он донимал и её: приходил в офис, задавал вопросы, просил помочь, умолял о встрече. Но Кейт не была бы собой, если бы позволила этому случиться. Она охраняла меня, как цербер. Один раз, по её словам, даже не выдержала и послала его к чёрту — была готова к увольнению. Так бывает, когда твоя подруга — упрямая идиотка, влюбившаяся в лживого начальника, а тебе приходится разгребать последствия.

Телефон на столе завибрировал, вырывая меня из чертежей нового отеля. Кажется, сеть принадлежала Теодору — наследство, доставшееся ему от отца.

Хоть как человек он вызывал у меня стойкое неприятие с самой первой встречи, отрицать не буду: в вопросах дизайна наши взгляды совпадали удивительно точно.

После нашего далеко не идеального знакомства ему, похоже, всё же пришлось по вкусу моя работа над его домом. С тех пор все новые проекты он без лишних колебаний передавал мне. Хочется верить, что не из-за какого-то странного чувства вины — которое, впрочем, едва ли знакомо людям с его напористыми, нахальными манерами.

Я набрала в грудь воздуха, на мгновение прикрыла глаза и потёрла их, пытаясь стереть не только сонливость, но и гнетущую тяжесть последних дней. Лишь после этого нажала «принять вызов».

— Привет, — сказала я, поднося телефон к уху.

— Привет, ямочка, — прозвучал в динамике радостный голос Тима.

Я неосознанно улыбнулась — уголком губ, едва заметно.

— Я же просила не называть меня так, — проговорила я с притворной серьёзностью.

— Слушай, мне звонила Кейт, — перебил он, проигнорировав моё замечание.

— Ну конечно, — я устало цокнула языком.

— Она просто переживает за тебя.

Я тяжело выдохнула.

— Я знаю... — голос дрогнул. — И...

— Эй, — мягко прервал Тим, — ты же знаешь, я рядом. Расстояние — не повод держать все в себе. Звони. Рассказывай. Или просто молчи. Или плачь. Я всё слушаю.

На последнем слове он тяжело вздохнул.

— Я знаю, — прошептала я и кивнула, хотя он не мог меня видеть. Наверное, к счастью — потому что по моей щеке уже скатилась первая слеза.

— Ты плачешь, — сказал он тихо.

— Прости, — всхлипнула я.

— Всё настолько плохо?

— Гораздо хуже, чем просто плохо.

— Он обидел тебя?

Я кивнула ещё раз, но ничего не сказала.

— Хочешь, созвонимся по видео? Ты мне всё расскажешь. К тому же я уже начинаю забывать, как ты выглядишь.

— Лучше приезжай, — выпалила я, не обдумав.

Повисла пауза.

— Эээ... — он, кажется, растерялся.

— Прости, я не хотела отрывать тебя от работы.

— Нет, нет, — быстро перебил Тим. — Я приеду. Возьму отпуск и приеду.

— Правда?

— Конечно. Мой друг в беде — как я могу оставаться в стороне?

Я снова всхлипнула.

— Я не знаю, как отплатить тебе за всё, что ты сделал для меня и делаешь.

— За что? За то что стараюсь быть хорошим другом?

— Мг, — еле слышно произнесла я.

— Просто пообещай, что однажды когда я тебе позвоню и буду плакать в трубку — ты сорвёшься и приедешь.

— Обещаю, — слабо рассмеялась я сквозь слёзы.

— Вот и отлично. Всё, целую тебя. Постарайся не раскиснуть до моего приезда, ладно?

— Да, да. Целую.

— До встречи, ямочка, — сказал Тим и положил трубку, оставив меня одну — в тишине, с разъедающей пустотой в груди, всматриваться в холодный металл телефона, когда-то подаренного мне Майклом.

Палец почти машинально скользнул к галерее. Это была его идея — сделать несколько фотографий. Я давно перестала снимать себя на камеру. В моём телефоне — сотни снимков Джорджи, чертежи, фотография ливня, застилающего окно кафе напротив офиса; чашка кофе с идеальной пенкой, где бариста нарисовал черепаху. Фасад старого здания в центре города, увешанный зеленью, словно сошедший с кадров фильма о постапокалипсисе. Палец дрогнул, но я не удержалась. Пролистнула — зная, что следующее фото причинит боль. И застыла, не в силах отвести взгляд.

На первом мы стоим, плотно прижавшись друг к другу — в мой день рождения. Я прислонила щеку к плечу Майкла, а он смотрит на меня сверху, и его глаза скрыты в тени. Моё лицо заплакано, покраснело от слёз, но освещено мягким, золотистым светом ламп — и в глазах, несмотря ни на что, сияние. В тот момент я действительно была счастлива. По настоящему.

Второе фото он сделал сам. Я лежу на нём сверху — заспанная, с растрёпанными волосами, которые рассыпались по его голой груди. Потому что перед этим он довёл меня до сильнейшего оргазма. Майкл обнимает меня за плечи, держит крепко — будто боится отпустить. И улыбается в камеру с такой наивной, детской радостью, будто получил то, о чём мечтал всю жизнь.

Третье — моё любимое. Я целую Майкла в уголок губ. Его глаза — это смесь желания, жадной страсти и той тихой, спокойной нужды, которая говорит больше любых слов.

Я не верю своим глазам.

Как человек, который на фото выглядит таким влюблённым, мог так безжалостно обманывать меня? И всё — ради того, чтобы защитить своего ублюдка-брата.

Мои челюсти сжимаются до скрежета — от злости, от боли, распирающей грудь изнутри.

Слёзы снова подступают, пощипывая уголки глаз. Я резко мотаю головой — бесполезный, отчаянный жест, будто он способен разогнать и слёзы, и мысли, роем жужжащие и разъедающие подкорку.

Несколько секунд держу палец над кнопкой «Удалить», но не нахожу в себе сил. Злюсь на себя за слабость, откладываю телефон и плетусь на кухню — варить очередную чашку кофе.

Проходя мимо гостиной, я неосознанно замираю у огромного рояля — точной копии того, что стоял в нашем родительском доме. Мама так любила играть, что папа привёз сюда второй — специально для тех летних месяцев, которые мы проводили в этом доме.

Я помню, как по утрам просыпалась под тихую мелодию: мама наигрывала её, чтобы разбудить нас. Она сидела, едва заметно покачиваясь в такт, полностью поглощённая звуками, и не замечала, как мы втроём — я, Ана и Натали — вставали с кроватей и с детским благоговением наблюдали за ней.

Я провожу ладонью по лакированной поверхности рояля, оставляя на ней след — и тут же словно слышу мамино строгое замечание. Она терпеть не могла, когда мы пачкали лак. Особенно злилась на Натали, которая обожала оставлять на крышке отпечатки своих ладоней. Тогда мама начинала причитать, с усердием натирая рояль до зеркального блеска.

Этот инструмент был её мечтой — далёкой, почти недостижимой в детстве. А когда ты всю жизнь стремишься к чему-то, что казалось невозможным, то, получив это, охраняешь как сокровище. Но нам, детям, этого было не понять.

Мои пальцы замирают. Я колеблюсь, но не решаюсь открыть крышку и коснуться клавиш — как будто прикосновение к ним могло разбудить слишком много болезненных воспоминаний. Вместо этого отступаю назад, тяжело выдохнув, и, не оглядываясь, устало плетусь на кухню.

Последние дни я почти не ем, ограничиваясь мутной жижей из порошка и воды, которая лишь отдалённо напоминает кофе.

Вчера я заметила, что в окнах по соседству загорелся свет. Похоже, у меня появились соседи.

Я сажусь на высокий стул, разглядывая знакомый, старый дом. Ещё в детстве он притягивал моё внимание. Помню женщину, которая жила там — она часто беседовала с мамой. Но кто там теперь — не знаю.

Через пару дней сюда приедут Кейт, Ана, Джорджи. И теперь ещё Тим. Мы вместе встретим Рождество.

К этому моменту мне бы следовало прийти в себя. Перестать расплываться на солёные потоки каждый раз, как случайно подумаю о Майкле.

Так больше нельзя. Я не имею права изводить себя из-за мужчины, который просто использовал меня, будто всё это ничего не значило.

Но внутренний голос протестует. Он один знает: что бы я себе ни твердила, какие бы мантры ни повторяла — я скучаю.

Безумно скучаю.

По тому Майклу, которого, как мне казалось, я знала.

По той себе, что дышала иначе, когда он обнимал. В его руках было умиротворение.

Чёрт!

Я делаю глоток кофе, и моё внимание привлекает ставня дома напротив, которая со стуком распахивается от порыва ветра и с глухим звуком ударяется о деревянный фасад. В следующую секунду в окне мелькает женская рука, быстро проскальзывая тряпкой вверх-вниз по стеклу.

Интересно, кто туда заселился. Не то чтобы я сейчас была готова заводить новые знакомства — скорее, просто непривычно видеть здесь кого-то после двух недель полной тишины. Настолько она здесь впиталась в воздух. Что не скажешь о моей голове — в ней по-прежнему царил хаос.

Ветви деревьев, изгибаясь под резкими порывами ветра, закрипели, издав хруст. Я невольно перевела взгляд. Казалось, они вот-вот сломаются — словно хотят вырваться с корнем и улететь как можно дальше отсюда.

Как я их понимаю.

Глава 2

Это было первое утро за две недели, когда я проснулась без привычной тяжести в груди. За окном серый свет медленно просачивался сквозь шторы, а в воздухе стоял тихий запах холодного утра. Я какое-то время просто лежала, прислушиваясь к тишине. Сегодня приедут Джорджи, Кейт, Ана... и Тим.

Я ужасно скучала по сыну. Мы с Джорджи никогда не расставались так надолго. Конечно, я соскучилась и по девочкам, но именно мысль о встрече с Тимом, казалось, сегодня подняла меня с кровати куда легче, чем в предыдущие две недели. Словно он был моим спасательным жилетом, который я зачем-то спрятала на антресоли, а теперь, когда вода подступила к горлу, поспешно тянулась за ним, делая вид, будто всё в порядке.

Может, будь я чуть менее эгоистична, я бы давно призналась себе — зачем на самом деле его позвала.

Мы не виделись с лета. Я вспоминала наши вечерние разговоры, когда Джорджи уже спал, а мы с Тимом болтали — обо всём: о работе, о мелочах, которые вдруг становились важными. С ним было по-настоящему легко. Он умел заставить меня смеяться даже в те дни, когда смех казался роскошью. Именно он помог мне снова научиться общаться с людьми, когда я почти превратилась в затворницу.

Тим рассказывал о своей работе — что-то между бухгалтерией и аналитикой, я никогда толком не вникала, но видела: он живёт этим. У него точный, структурный склад ума, и я однажды даже представляла, как он будет помогать Джорджи с математикой, когда тот пойдёт в школу.

Но, как это часто бывает, всё пошло не по плану. Мы переехали. Я встретила Майкла. И в итоге он сделал то, чего я так сильно боялась — разбил мне сердце.

И вот теперь я здесь — сижу на кухонном стуле, покачивая ногой в такт тихой музыке, которая доносится из соседнего дома.

Может быть, через пару дней наберусь смелости и зайду познакомиться с соседкой. Музыка, которую она слушает, мне нравится. А это уже половина дела.

Я заливаю в чашку кипятка, разбавляя очередную порцию кофейного порошка, и, запахнув дверцу холодильника, долго смотрю на продукты, купленные к приезду гостей. Один только их вид вызывает лёгкую тошноту. Но, пересилив себя, достаю пару кусочков индейки и тостовый хлеб.

Медленно, почти лениво пережёвывая, поглядываю в окно: листья сплошным жёлтым ковром укрыли землю. Я редко видела в этих местах снег, но чувствую: эта зима будет куда холоднее прежних. Хоть и пришла она с запозданием.

Перед глазами мелькают воспоминания Рождества, когда родители ещё были живы. Мама тогда была... беспокойной, напряжённой, словно на грани срыва. И странно теперь осознавать, что я не замечала этого раньше. Не видела, как её что-то изнутри разъедало, как легко она вспыхивала — особенно на Натали. Будто сама себе не принадлежала, а потом, сгорев, тихо извинялась, шепча, что не хотела. Наверное, мой мозг вытеснил всё, что было слишком тяжёлым для восприятия.

Я помню, как забивалась с книгой под ёлку — в дальний угол гостиной, где запах хвои смешивался с пылью, — лишь бы не слышать, как мама снова плачет. А папа, как заведённый, рассказывал истории и смеялся на кухне: нарочито громко, театрально, пытаясь перекрыть её всхлипы.

Он любил её так сильно, что эта любовь затмевала всё остальное. В том числе — нас. Особенно — нас.

Теперь, спустя годы, я вижу это иначе. Он был готов сжечь весь мир, лишь бы ей не было больно. А она... металась по дому, словно в лихорадке, готовясь к празднику: то обнимала нас с Аной до боли в рёбрах, будто боялась, что мы исчезнем, то срывалась, ругалась за беспорядок, кричала, что мы доводим её до истерики.

Но самое странное — я совершенно забыла. Только теперь, в этом доме, память, словно ото льда, начала оттаивать, и всё стало возвращаться.

Мама тогда забыла купить подарок Натали. Как — не понимаю. Но под ёлкой не оказалось ничего для старшей дочери. Натали расплакалась — по-настоящему, беззвучно, как умеют только подростки, когда им по-настоящему больно.

Мама не бросилась её утешать — наоборот. Она заплакала сама, громко и демонстративно, причитая, что она “ужасная мать”, и что все от неё только требуют.

Папа, как всегда, взял всё в свои руки. Схватил ключи от машины, хлопнул дверью и, не раздумывая, помчался в ближайший магазин, скупая всё подряд — всё, что хоть отдалённо могло сойти за подарок. Натали, казалось, подыгрывала: благодарила, старалась улыбаться. Но я помню её взгляды — короткие, резкие, будто колкие. Они раз за разом скользили в сторону мамы, которая в тот вечер сидела молча, с рассеянным взглядом, словно всё это происходило не в её доме и не с её семьёй. Как я могла забыть?

После смерти родителей я перестала праздновать Рождество. Лишь когда Джорджи в детском саду узнал, что принято наряжать ёлку и ждать подарков, мне пришлось вернуться к этой традиции — ради него.

Но в этом году, всего месяц назад, я вдруг поймала себя на мысли: впервые за долгое время я хочу Рождество. Представляла, как мы с Майклом будем встречать наш первый праздник вместе. Помню, как ломала голову, что ему подарить. А теперь... я иронично усмехаюсь. Это больше не моя забота. Улыбка выходит кривой, больше похожей на гримасу.

Я воображала, как мы наряжаем ёлку, как он варит глинтвейн, как заваливает Джорджи подарками — как он делал это и без повода. Возможно, мы бы даже поругались из-за этого. Но теперь всё это кажется ничтожным, мелким на фоне той боли, которую он мне причинил.

Работа затягивает, и день проходит быстрее, чем я ожидала. Когда цифры в углу экрана мигают, показывая ровно шесть вечера, я слышу, как по гравию у дома скребут шины. Сердце вздрагивает и сбивается с ритма — они приехали.

Накинув на плечи тёплую шаль, в одних тапках выбегаю на крыльцо. Машина Кейт аккуратно сворачивает к воротам и паркуется задним ходом под навес.

Через запотевшее заднее окно я вижу Джорджи — его личико плотно прижато к стеклу. Он машет мне рукой и улыбается во весь рот.

Я подбегаю к машине, распахиваю дверь и тянусь к своему мальчику.

— Мамочка! — выкрикивает он, обвивая меня руками.

— Да, сладкий мой... я тоже скучала. Ужасно, — шепчу, прижимая его к себе и зацеловывая холодные щёки. Такие родные. Такие мягкие.

— Я тоже, мамочка! — ещё крепче прижимается Джорджи. — Я привёз тебе все свои рисунки.

— Покажешь? — улыбаюсь я.

— Конечно!

— Меня ты так же будешь встречать? — раздаётся знакомый голос.

Я поднимаю глаза — и встречаю взгляд, тёплый, тёмный, цвета топлёного шоколада. Тим улыбается — чуть насмешливо, будто рад меня видеть, но в глубине что-то не даёт этой улыбке дотянуться до его глаз. Он перекидывает через плечо массивный чёрный рюкзак, и я сразу замечаю перемену: волосы коротко подстрижены. Непривычно. Раньше пряди спадали ему на лоб, и он, неосознанно сложив губы, сдувал их, пока сосредоточенно смотрел в свои таблицы с цифрами.

Тим, как и всегда, одет во всё чёрное: кожаная куртка обтягивает широкие плечи, джинсы плотно облегают длинные ноги. Видно сразу — человек приехал с юга: ни шарфа, ни перчаток, ни намёка на зимнюю одежду. Одет совсем не по погоде Оквуда.

— Конечно, — говорю я, делая шаг навстречу. Стараюсь не смотреть в его глаза — в этот тёмный, внимательный взгляд, который будто считывает меня насквозь.

Останавливаюсь, не дойдя каких-то полметра. Мне нужно ещё пару секунд, чтобы собраться. Чтобы сделать то, на что раньше никогда не решалась. Один шаг — и я уже в его объятиях, прижимаюсь к крепкой, тёплой груди.

— Как же я рада тебя видеть, — выдыхаю почти неслышно, прячась в тепле под его курткой. От него пахнет терпким, травяным ароматом, едва уловимым, но знакомым — запахом, который обжигает память, возвращая все воспоминания разом. Сердце бьётся так сильно, что каждый удар отдаётся в горле. Холодный воздух щиплет щёки, но внутри становится теплее.

Тим замирает, будто не знает, что делать дальше. Его дыхание короткое, горячее, ощущается у виска. Я сама не понимаю, как решилась на этот шаг — никогда прежде не позволяла ему прикоснуться ко мне. Всё кажется немного неловким.

— Я тоже, — наконец говорит он, обнимая крепче. Я чувствую, как его плечи постепенно расслабляются, дыхание становится глубже.

— Полгода... — он едва шепчет, каждое слово звучит тяжело. — Полгода разлуки, чтобы... наконец... прижать тебя к себе.

Я не отвечаю. Просто стою, прижавшись к нему, молча. И вдруг осознаю: моё тело, всё это время натянутое до предела — как после изнурительной тренировки, — начинает понемногу оттаивать. Мышцы словно погружаются в тёплую воду, отпуская напряжение. Я делаю глубокий, почти удивлённый выдох — и обмякаю в его объятиях, позволяя себе расслабиться.

— Сестре полагаются объятия? — звучит за спиной, слегка ехидный голос Аны.

Я оборачиваюсь и демонстративно закатываю глаза.

— Ты тоже скучала?

— А ты нет? — Ана хмурится, но уголки губ предательски подрагивают в улыбке.

— Ещё как. Я вообще не понимаю, как выжила неделю без твоей болтовни, — фыркаю и обнимаю сестру. — Ну всё, проходите в дом. На улице очень холодно. Джорджи, давай свой рюкзак, — оборачиваюсь к сыну и забираю у него тяжёлую сумку.

Кейт подходит сбоку, и еда ощутимо целует меня в щёку.

— Ты в порядке? — спрашивает почти шёпотом, так, чтобы слышала только я.

— Если это вообще можно так назвать, — тихо отвечаю, слегка сжимая её ладонь.

Пока мы готовили ужин, Тим и Кейт увлеклись воспоминаниями о своём детстве. Я знала, что они дружили задолго до того, как я сама познакомилась с каждым из них — впрочем, именно Тим когда-то и свел меня с Кейт. Только сегодня я узнала, что они росли по соседству — в южном городке Юкке, в не самом благополучном районе, где детям приходилось развлекать себя самим.

Тим вспоминал, какой заводилой была Кейт. Все мальчишки слушались её беспрекословно, особенно когда она взбиралась на кучу старых, протертых шин и кричала настоящие лозунги, призывая «взять палки и идти защищать щенков», которых обижали соседские хулиганы.

Я смеялась, представляя эту сцену: маленькая Кейт с горящими глазами, взобравшаяся на гору старых шин, кричит, призывая всех ввязаться в драку — пусть и за справедливость. Честно говоря, это было на неё удивительно похоже. Впервые за долгое время, полностью забыв о Майкле, я просто наслаждалась разговором со своими друзьями.

Пока я нарезала очередной салат, заметила, как Кейт будто украдкой посмотрела на меня, а затем быстро отвела взгляд.

— Спрашивай, — тихо произнесла я.

— Что? — Кейт изобразила удивление, но не слишком убедительно.

— Я вижу, как ты таращишься на меня.

— Фу, как грубо, — фыркнула она, но я знала, что она улыбается.

— Ммм, — усмехнулась я, слегка качнув головой.

— Ты вернёшься с нами после этих выходных?

Нож в моей руке замер, не дорезав огурец.

— Если ты пока не готова, я пойму. Просто скажи, если я могу чем-то помочь, — мягко добавила она.

Я кивнула — коротко, почти неуловимо, — и продолжила молча нарезать овощи.

Когда всё было готово, мы накрыли стол в гостиную — расставили тарелки, бокалы, блюда — и начали рассаживаться.

— Эй, сыграешь нам? — неожиданно спросил Тим, кивнув в сторону рояля.

Наши взгляды с Аной мгновенно встретились. В её глазах мелькнуло что-то болезненное, напряжённое. Она старалась это скрыть, но я сразу заметила.

— Я не играю, — произнесла я, слишком тихо.

— Может, стоит попробовать? — осторожно предложила Кейт.

— Пожалуйста, мамочка, сыграй! — Джорджи, забыв про игрушки, с сияющими глазами уставился на меня. Ещё мгновение назад казалось, что он вовсе не слушает наши скучные разговоры.

— Я не играла с тех пор, как... — голос предательски дрогнул, и я посмотрела на Ану.

— Как умерла мама, — жёстко закончила за меня сестра. — Так и скажи. Что толку подбирать слова? — Она бросила на меня прожигающий взгляд, потом отвела глаза куда-то в сторону, будто старалась сдержать злость. — Это ведь была их общая любовь. Они могли часами играть вдвоём, пока нам оставалось только молча сидеть и смотреть со стороны.

— Ты никогда не любила музыку, — тихо заметила я, сбита с толку.

Она ничего не ответила.

— Так что, сыграешь? — повторил Тим, будто не замечая напряжения, повисшего между мной и Аной.

— Чуть позже, — тихо ответила я, бросив взгляд на рояль.

Тим лишь кивнул — давая понять, что не будет настаивать.

Весь вечер мы говорили о фильмах, путешествиях, выставках. Всё казалось удивительно нормальным.

Моя семья сидела за столом, смеялась, перебрасывалась фразами. Тим отпускал свои дурацкие шутки, и я ловила себя на том, что это почти делает меня счастливой. Джорджи не сводил с него глаз.

Последнюю неделю, во время наших видеозвонков, он всё время спрашивал, где Майкл, почему тот больше не приходит. Я не хотела врать. Но и сказать правду — что Майкл ушёл из нашей жизни навсегда — тоже не могла. Каждый раз, услышав этот вопрос, я замирала: сдерживала дыхание, чтобы не сорваться, и изо всех сил пыталась перевести разговор на что-то другое.

Теперь, когда Джорджи был увлечён Тимом, я наконец могла немного выдохнуть. Хотя кого я обманываю. Внутри всё равно пусто — как будто вырвали кусок, без которого невозможно дышать.

Я улыбаюсь, поддерживаю разговор, но каждый раз, когда взгляд скользит по комнате, вижу не лица близких, а его — глаза, руки, грудь, к которой он прижимал меня, будто закрывая от всего мира.

Да, я должна его ненавидеть. Но вместо этого ловлю себя на том, что всё ещё мысленно делюсь с ним каждым новым проектом, каждой идеей. Даже спорю с ним в голове. Даже скучаю по той тишине, в которой мы часами сидели над чертежами, по его тёплой ладони на моей руке, когда он слушал. По взгляду, который будто говорил: «Я верю в тебя».

С ним я делилась всем.

И теперь, когда передо мной стоит решение, которое изменит всё — и с которым я не справлюсь одна, — я чувствую, как теряю равновесие. Потому что с ним я этого больше обсудить не могу.

Но потом я оглядываюсь.

Ана рядом. Тим рассказывает какую-то глупость, от которой Джорджи хохочет до слёз. Кейт наклоняется ко мне, чтобы подлить вино.

И вдруг я понимаю: я не одна. У меня есть всё, что действительно нужно. Моя семья — здесь.

— Мне нужно кое-что вам сказать, — говорю я, стараясь звучать уверенно. Разговоры за столом моментально затихают.

Даже Джорджи, только что оживлённо болтавший, остановился и удивлённо осмотрел всех. Вилка с куском стейка застыла у Аны на полпути ко рту. Казалось, все ждали, что я заговорю о Майкле. Но они даже не представляли, о чём действительно пойдёт речь.

— Конечно, — первой отозвалась Кейт. Она аккуратно сложила приборы в тарелку и посмотрела на меня, молча давая понять: я слушаю.

— Ты хочешь поговорить о Майкле? — небрежно бросила Ана, наконец отправив в рот кусочек стейка. Она жевала с удивительным равнодушием, будто спрашивала о погоде.

Я в изумлении уставилась на неё, не веря, что она действительно это сказала.

— Ана! — резко одёрнула её Кейт, прищурившись.

Тим молчал, не отводя взгляда. Джорджи поднял на меня глаза — в них блеснула надежда — и тихо спросил:

— Мамочка, а Майкл сегодня приедет? Я хотел показать ему новую машинку.

— Ну, спасибо, — прошипела я сквозь зубы, бросая испепеляющий взгляд на сестру.

Ана пожалала плечами — с каким-то наивным недоумением, которое обычно вызывает у меня желание встать и уйти. Мне даже показалось, что Кейт пнула её под столом. А я лишь смотрела, не в силах понять, что, чёрт возьми, с ней происходит.

— Милый, прости, но Майкл сейчас очень занят. Он не сможет прийти, — произнесла я, затаив дыхание, чтобы не расплакаться прямо в эту же секунду.

— А когда сможет? — тут же спросил Джорджи, глядя мне прямо в глаза, будто пытался уловить, говорю ли я правду.

Я замолчала. Секунды тянулись вязко, как густой сироп. В гостиной звенела тишина — только глухой гул ветра за окном нарушал её. Я не знала, что ответить. Как объяснить своему ребёнку, что я ошиблась — впустила в нашу жизнь человека, который никогда не должен был в ней появляться?

— Джорджи, — мягко заговорила Кейт, наклоняясь к нему так, что её голос прозвучал почти шёпотом. — Майкл сейчас в к-командировке. Он улетел д-далеко-далеко и пока не может тебе позвонить. Но как только сможет — обязательно это сделает.

Она пыталась смягчить ситуацию, но было уже поздно. Джорджи молча кивнул. Губы сжались в тонкую линию, взгляд упал на стол. Казалось, он всё понял — и сама ложь ранила его больше, чем исчезновение Майкла.

Я сидела, глядя на сына, и чувствовала, как воздух с каждым вдохом становится тяжелее. Лёгкие не хотели раскрываться, грудь сжималась в тугий узел из вины, злости и горечи. И в этой тишине — нарушаемой только ветром за окном — я поймала себя на мысли: ещё один вдох, ещё одна секунда, и я не выдержу. Либо что-то сломается во мне, либо я взорвусь.

Я резко повернулась к Ане:

— Ты довольна?

— Да что я такого сказала? Мы теперь будем делать вид, будто ничего не произошло?

— Это тебя не касается. Это не твоё, чёрт возьми, дело! — я вскочила на ноги, дрожа от гнева.

— Адель, — резко произнесла Кейт, поймав мой взгляд. Напоминая, что рядом Джорджи. Её голос был как холодный душ.

Я сделала глубокий вдох и продолжила — чуть тише, чуть спокойнее, но всё ещё сдерживая дрожь в голосе:

— Если тебе есть что сказать — говори. Потому что я не понимаю, чего ты добиваешься.

Ана смотрела на меня растеряннo. Впервые — без дерзости, без защиты. Просто не знала, что ответить.

Я обошла стол, подняла Джорджи на руки, крепко прижимая к себе. Он молча обвил мою шею маленькими руками и уткнулся лицом в грудь.

Не оборачиваясь, я вышла из гостиной. Одной рукой надела на сына куртку, другой — потянулась за своим пальто и накинула его на плечи.

— Прости, что тебе пришлось это видеть, — шепнула я ему.

Он молча кивнул.

— Поиграем в мячик? — спросил он неуверенно.

— Конечно, милый.

Выйдя во двор, я зацепила ногой красный резиновый мяч и легко пнула его в сторону ворот. Резкий порыв холодного ветра обдал нас, и я инстинктивно прижала Джорджи крепче к себе.

— Во что хочешь поиграть? — спросила я, зарываясь ладонью в его мягкие темные волосы.

— Давай ты будешь на воротах, а я — забивать голы! Мы с Майклом так часто играли, — сказал он с довольной улыбкой, оглядываясь по сторонам.

Моё дыхание сбилось, а грудную клетку сжало, будто кто-то поставил на неё тяжёлый камень. Но я всё же выдохнула и кивнула:

— Хорошо. Только давай найдем подходящие ворота.

— Вон два дерева! — сказал Джорджи, указывая на берёзы, между которыми тянулась тропинка неподалеку от соседского дома.

— Отличный выбор, — улыбнулась я.

Джорджи попросил опустить его и радостно побежал за мячом. Я пошла следом, лениво пинала жёлтые, потемневшие от влаги листья, которые ветер согнал в кучки вдоль тропинки.

Встав между двух деревьев, я заняла место в «воротах» и пыталась отбивать удары сына, хотя мысли всё время уносили меня прочь. Джорджи бегал без усталости, то загоняя мяч вперёд, то смеясь, когда я нарочно промахивалась. Каждый раз, забив «гол», он вскидывал кулачки вверх и радостно подпрыгивал — словно победа для него была не случайностью, а делом времени.

Я развернулась, чтобы отбросить мяч обратно, и в этот момент скрип соседских ворот привлек моё внимание. Они медленно распахнулись, и в щель между створками протиснулась невысокая пожилая женщина в длинном пальто. Её шарф, небрежно накинутый на плечи, всё время цеплялся за шерстяную ткань, и она, слегка растеряннo улыбаясь, пыталась его поправить, не переставая поглядывать то на меня, то на Джорджи.

— Адель, здравствуй, — неожиданно произнесла соседка.

Я растерялась и прищурилась, вглядываясь в её лицо. Тонкая сетка морщинок пролегла по щекам и шее, но она всё равно выглядела ухоженной и живой.

— Здравствуйте... Мы знакомы? — неуверенно спросила я.

Она подошла ближе, позволяя мне разглядеть её лицо, и замерла в терпеливом ожидании — пока знакомые черты не сложились в образ из прошлого.

— Мариана?

— Да, деточка, — кивнула она, и тонкие бледные губы тронула добрая улыбка. — Как давно я тебя не видела.

— Я давно не приезжала... после смерти родителей, — машинально проговорила я.

— Да, я очень плакала, когда узнала. Твоя мама была удивительной женщиной. Сложной, конечно, но талантливой. — Мариана слегка покачала головой.

— Это правда, — кивнула я.

— Ты очень на неё похожа. Сначала даже подумала, что схожу с ума. Ты и раньше напоминала мне её, но теперь, став взрослой женщиной, ты словно ожившее воспоминание. Ты красавица, Адель.

Я только кивнула, выдавливая в ответ лёгкую, вежливую улыбку.

— А кто у нас тут такой? — она перевела взгляд на Джорджи.

— Это мой сын. Его зовут Джорджи, — быстро ответила я. — Милый, иди поздоровайся с тётей Марианой, — помахала я ему рукой.

— Здравствуйте, тётя Мариана, — бодро сказал он и протянул ручку.

— Здравствуй, юный джентльмен, — улыбнулась она, заметно оживившись. — И сколько тебе лет?

— Почти пять! — он гордо показал пять пальцев.

— Какой взрослый!

Он довольно закивал.

— Вы давно здесь? — спросила я, разглядывая её: волосы с проседью были собраны в небрежный пучок, за спиной — объёмный шарф, всё время сползал с плеч. Серые глаза за толстыми линзами казались потухшими — ни одна эмоция так и не промелькнула в них за весь разговор.

— Всего пару дней. Я одна. Джереми и Таиса теперь приезжают разве что на дни рождения, — с тихой грустью сказала она.

Я помнила её детей — они были немного старше Натали, и всё лето мы проводили вместе.

— Иногда навещаю внуков, но чаще всего я здесь... сама, — сказала Мариана. Она попыталась улыбнуться, но в её взгляде застыла тихая, выстрадавшая тоска — та, что приходит с годами молчаливого одиночества.

— А Рождество? Вы будете праздновать здесь? — спросила я, скорее из жалости, чем из интереса.

— Не думаю, что это будет похоже на праздник. Посмотрю старое кино, выпью чаю... и спать, — с мягкой, но печальной усмешкой ответила она.

— Приходите к нам. У нас не будет пышного застолья, но обещаю вкусный стейк и бокал вина, — предложила я.

— Ох... не стоит. Вы молодые, у вас свои разговоры. А я только всё испорчу.

Позади послышались шаги — хруст листьев и ломкий треск сухих веток под ногами. Мы одновременно обернулись. Это был Тим.

— Добрый день, — произнёс он, приближаясь.

— Добрый день, — кивнула Мариана, вновь поправляя свой огромный шарф, словно смущённая неожиданным вниманием.

— Мариана, познакомьтесь — это мой друг Тим. Тим, это Мариана. Мы каждое лето проводили здесь с её детьми, когда были маленькими, — сказала я, чувствуя, как легко возвращаются старые воспоминания.

— Очень приятно, — вежливо улыбнулся Тим и слегка склонил голову.

— Я как раз уговаривала Мариану присоединиться к нам на Рождество, — добавила я.
— Но она, похоже, сомневается.

— Почему? — удивлённо спросил Тим.

— Не хочу вам мешать. Молодёжь, свои разговоры, шум... зачем я вам, старая и скучная?
— с добродушной самоиронией отозвалась женщина.

— Думаю, это попросту невозможно — помешать нам, — с улыбкой ответил Тим.

— Ана тоже здесь. Я помню, как она обожала вашу яблочную шарлотку, — сказала я с улыбкой. В те годы Мариана души в ней не чаяла, называла Ану «светлой девочкой», не догадываясь, что под этой маской скрывался настоящий маленький чертёнок.

— Ох, да. Уплетала половину за считанные секунды! — Мариана рассмеялась, качая головой. — Я всё удивлялась, как в такое маленькое тельце влезает столько пирога.

Она на секунду замолчала, погрузившись в воспоминания, а затем, с особым акцентом на каждом слове, добавила:

— А Джереми всё бурчал: «Эта девчонка опять всё со-жра-ла!»

Мы с Тимом рассмеялись в ответ.

— Ждём вас завтра к шести. И это не просьба, — уверенно сказал он.

Мариана немного поколебалась, но в её взгляде уже мелькнул огонёк.

— Ну что ж, уговорили. До завтра, мои дорогие.

Развернувшись, она медленно зашагала к дому, обняв себя — будто стараясь удержать последние остатки тепла, уносимые ветром. В пожухлой листве за ней тянулась едва заметная тропинка.

Глава 3

По дороге к дому Тим шёл медленно рядом, изредка бросая на меня косые взгляды. В его карих глазах, как всегда, отражался внутренний процесс: он будто прокручивал в голове тысячу мыслей и пытался выбрать одну.

Мне совсем не хотелось возвращаться в дом. Но я понимала: вести себя как обиженный ребёнок — не выход. Хоть и хотелось. Просто сказать Ане, что она доигралась, собрать вещи и уйти. Хотя... я уже так делала. И, пожалуй, ей тоже есть за что меня винить.

— Ты в порядке? — наконец прозвучал низкий голос Тима.

Мяч, отскочив от забора, ударил мне в голень. Я подняла его и кинула Джорджи. Тот, конечно же, не поймал — лишь засмеялся и с радостным визгом помчался за красным пятном, скачущим по тропинке.

Я перевела взгляд на Тима. Его нос и уши покраснели от холода, но он будто нарочно не замечал пронизывающего ветра — стоял в одной лишь тонкой кожаной куртке, как упрямый подросток, пытающийся что-то доказать матери.

— Я не знаю, — сказала я наконец, выпрямляясь.

— Что случилось? — спросил он прямо.

— Не думаю, что готова делиться. — Я качнула головой. — Пока нет.

— Он обидел тебя? — спросил Тим. Его взгляд стал жёстче. У глаз собрались мелкие морщинки — он злился.

Майкл в такие моменты всегда запускал руку в волосы, пропуская пряди сквозь пальцы... или гладил мою ладонь, глядя куда-то сквозь...

Чёрт, чёрт, чёрт. — Я мысленно отругала себя. — Почему я даже в такие моменты думаю о нём?

— Да. Но не так, как ты подумал. И это... трудно объяснить.

Я замолчала, подбирая слова.

— Я справлюсь. Правда. Просто... Он обманул моё доверие, как уже делали до него. Только в этот раз особенно больно. Я снова поверила — как глупая маленькая девочка.

— Он тебе изменил? — нахмурился Тим.

— Нет. Но он знал то, что не имел права скрывать. И всё равно выбрал молчать.

Я знала, что говорю расплывчато. Но по-другому не могла.

— Я бы так с тобой никогда не поступил, — тихо сказал он.

— Знаю, — слабо кивнула я.

Он замолчал на пару секунд. Затем продолжил, чуть тише, будто осторожно ступая по льду:

— Про Ану... я не знаю, почему она так сказала. Но, кажется, она сожалеет. Кейт пошла с ней поговорить. А я... с тобой.

Он виновато пожал плечами и пнул носком ботинка кучку красно-жёлтых листьев.

— Мм, — раздражённо промычала я, чувствуя, как в груди поднимается обида. — Это в её стиле: сначала делать всё, что взбредёт в голову, а затем извиняться.

Я тяжело вздохнула, немного смягчив тон продолжила:

— Но она моя семья. И ей тоже есть за что на меня злиться.

— Я уверен, вы справитесь. Просто дай себе время. Ты сильная, Адель. Самая сильная из всех, кого я знаю и кого когда-либо встречал.

Я внимательно посмотрела на него. Он даже не представлял, насколько внутри я разваливаюсь.

Когда мы подошли к дому, я приоткрыла ворота, пропуская радостного Джорджи — он махал ногой, показывая, как научился бить по мячу так, что тот «летит тысячу миль в час». На крыльце нас ждала Ана, поглядывая на меня исподлобья.

— Джорджи, пойдём, я сделаю тебе чаю, — сказал Тим и, бросив на нас косой взгляд, увёл сына в дом.

— Поговорим? — спросила Ана, виновато глядя на меня.

Я кивнула и пошла к качелям, которые висели между двумя старыми деревьями на заднем дворе, слегка покачиваясь от ветра.

— Прости, — сказала она, едва мы сели.

Я молчала пару секунд, потом повернулась к ней и спросила:

— Я тебя раздражаю?

Она удивлённо уставилась на меня:

— Конечно нет. Ты с ума сошла?

— Тогда почему ты так злишься? Почему каждую нашу беседу превращаешь в издёвку? Почему ты не видишь границ и пытаешься втянуть меня в примирение с человеком, который... причинил мне боль? Ты вообще задумываешься о том, что я при этом чувствую?

Она опустила глаза. Казалось, абсолютно смущенная моей откровенностью.

Хотела бы я, чтобы все в мире говорили так прямо, — пронеслось у меня в голове.

— Прости. Я правда переживаю. Он каждый день приезжает, стоит...

— Ана, — перебила я, голос стал резким.

— Чёрт, прости. Я просто хотела, чтобы ты была счастлива.

— Тогда лучше бы ты подумала, чего хочу я. Или, что было бы правильнее всего, — дала мне самой во всём разобраться.

— Да... ты права, — она оттолкнулась от земли, и качели заскрипели. — Я прощена?

— Если пообещаешь не устраивать больше таких сцен.

— Ну, если подумать, сцену устроила ты, — попыталась пошутить Ана, вскинув бровь.

— Ты неисправима, — сдержанно усмехнулась я, но глаза остались серьёзными.

— Ладно, ладно. Прости. Я перебрала с вином. Надо было остановиться на третьем бокале. И не стоило говорить то, что я сказала — особенно при Джорджи.

— Спасибо. И... я тоже перегнула.

Мы медленно раскачивались на качелях, не говоря ни слова. В этом было что-то из прошлого — будто время повернуло вспять. Казалось, ещё миг — и из дома выйдет мама, в своём светлом летнем платье, позовёт нас завтракать. Она всегда делала это с особым старанием, превращая обычное утро в маленький ритуал — словно вдохновляясь картинками из Pinterest.

Но вместо неё из дома показалась светловолосая макушка Кейт. Она натянула мои синие резиновые сапоги, накинула куртку и неспешно подошла.

— Ну что? Мне полицию вызывать?

Мы удивлённо посмотрели на неё.

— Думала, выйду — а тут как минимум труп или кровавое месиво, — с серьёзным видом заявила Кейт.

Мы не выдержали и рассмеялись.

— Кстати! — я повернулась к Ане. — Только что встретила Мариану. Представляешь, она до сих пор живёт в домике по соседству. Помнишь её? Ты обожала её шарлотку.

— Конечно... — Ана задумалась. — Давно её не видела.

— Я только что вспомнила, как ты была влюблена в её сына Джереми и бегала за ним хвостиком, — сказала я, и в памяти тут же вспыхнуло лицо маленькой Аны. С виду — светловолосый ангел в кружевном платье, а за закрытой дверью — настоящий ураган. Она швыряла игрушки, ломала всё, что попадалось под руку, совершенно не реагируя на усталый голос папы, который снова и снова просил её остановиться.

Я заметила, как Ана и Кейт обменялись быстрым, едва уловимым, но многозначительным взглядом — понятным только им. Хотя, возможно, мне всё это просто показалось.

— Я пригласила её к нам на Рождество. Она сказала, что собиралась просто посмотреть кино и лечь спать. Совсем одна. Мне стало её жаль.

— Хорошо, что пригласила. Завтра утром съездим в город за продуктами, — сказала Кейт.

Я кивнула.

— Пойдёмте в дом. Холод собачий, — пробормотала она.

— Ну конечно, принцесса из тёплых стран, — хмыкнула Ана.

— Тем более, — Кейт смерила её взглядом. — Ты ведь хотела рассказать нам кое-что. И, как я понимаю, это не о том, чьё имя мы не называем, — добавила она с напускной серьёзностью, переведя взгляд на меня.

Я лишь покачала головой с улыбкой. Иногда я и сама не понимала, за что мне так повезло с этими дурёхами.

Зайдя в дом, я почувствовала, как кожа на щеках начинает гореть — тепло обжигало её после холода. Из гостиной доносились голоса: Джорджи что-то взахлёб рассказывал Тиму, но из-за включённого телевизора слов было не разобрать.

Я заглянула — на экране шёл мультик: крыса с серо-голубой шерстью, устроившись под поварским колпаком, управляла человеком за волосы, помогая ему готовить. Тим и Джорджи спорили, оживлённо указывая на экран. Выглядело это почти комично.

Заметив меня, Тим обернулся и сразу улыбнулся:

— Ну что, все живы?

Я только усмехнулась. Их дружба с Кейт теперь не вызвала вопросов — с таким чувством юмора они точно на одной волне.

Мы с Аной молча кивнули. Тим что-то шепнул Джорджи и подошёл к нам.

Облокотившись на столешницу, Ана с лёгкостью запрыгнула на неё. Она всегда так делала, ещё с подростковых лет, и каждый раз ловила неодобрительный взгляд мамы — особенно когда, как сейчас, садилась, подогнув ногу так, что босая ступня оказывалась прямо на столешнице, где обычно что-то нарезают.

Я на секунду зависла, наблюдая за этим движением — таким привычным, из прошлого. Дом будто открыл шлюз воспоминаний: здесь что-то оживало во мне, чего я не чувствовала последние лет пять. Казалось, я всего лишь была в долгой командировке и сейчас просто вернулась. Всё осталось на своих местах, только я поменялась.

Наверное, выражение на моём лице выдавало что-то, потому что Ана вдруг поморщилась, и веснушки на её носу спрятались в мелких морщинках.

— Ты сейчас так посмотрела на меня, точно как мама, — тихо сказала она.

— Теперь я её немного лучше понимаю, — я пожала плечами.

— Так что ты хотела рассказать? — спросила она, всматриваясь в меня с неожиданной серьёзностью.

Я обвела взглядом всех. Тим стоял, прислонившись плечом к стене, чёрный огромный силуэт на фоне светлой стены. Кейт устроилась за столом, устало потирая шею и закинув босые ноги на соседний стул. Я смотрела на них — и вдруг с резкой ясностью поняла: вот она, моя настоящая семья. Без пафоса. Без фальши. Люди, с которыми я могу быть собой, с которыми можно ругаться, плакать, молчать — и знать, что они не уйдут. Потому что они — мои.

Я вздохнула.

— Во-первых, я хотела сказать, что очень вас люблю. Вы здесь из-за меня, оставили свои дела, а я даже не поблагодарила вас за это.

— Ну, вообще, если бы не ты, то я бы в одиночестве встречал Рождество, — хмыкнул Тим.

— Я тоже, — кивнула Кейт. — Так что не думай, что мы жертвуем собой. Мы достаточно эгоистичны, чтобы делать только то, чего сами хотим. А сейчас мы хотим быть здесь.

Говорила она с такой серьёзностью, что я не сдержалась:

— Обязательно быть такими, когда я признаюсь вам в своих чувствах?

Кейт прыснула со смеху:

— Прости. Я тоже тебя люблю. Но это правда. Ты нам нужна — не меньше, чем мы тебе, а может даже и больше. Это взаимно.

На несколько секунд повисла тишина.

— Так... это всё? Ты просто хотела признаться нам в любви? — прищурилась Ана, поджимая губы.

— Всё дело в письме, которое оставил мне отец, — я намеренно проигнорировала её сарказм.

— То самое, из книги? — Ана резко выпрямилась.

Я кивнула.

— Ты его вскрыла? — спросили они с Кейт в один голос.

— Да.

— Какое письмо? — тихо спросил Тим, явно ничего не понимая.

— Пять лет назад отец подготовил мне подарок ко дню рождения. Но не успел его вручить. Ана нашла его позже и сохранила. Там была книга. И письмо. С его подписью.

Тим кивнул — теперь всё складывалось.

— Что было в письме? — Ана говорила почти шёпотом, но её напряжение ощущалось физически.

— Сейчас покажу, — сказала я и пошла в спальню.

Я вытащила из сумки сложенный вчетверо плотный лист и замерла с ним в руках. Он казался неожиданно тяжёлым — не физически, а по весу смысла. Я смотрела на него, будто могла договориться: ещё немного. Дай мне секунду.

Пугал не текст — я уже знала каждое слово наизусть. Пугало то, что будет потом. Как только они прочтут это, молчание больше не будет вариантом. Придётся что-то решать. И каждое из решений несло за собой последствия: признание слабости или новый виток хаоса.

Я чувствовала себя как человек, стоящий на краю — не понимая, шаг вперёд обернётся падением или полётом. Там, внизу, могла быть бесконечная пропасть. А могла быть и та самая мягкая яма с пластиковыми шариками, в которые с разбега ныряют дети.

Но если не с ними — не с этими людьми — разделить свой страх, то с кем? Ближе них у меня никого нет. И, возможно, уже не будет.

Я вернулась в гостиную и протянула лист Ане. Она сразу же развернула его, поднесла ближе к свету и начала читать. Буквально через пару секунд громко воскликнула:

— Твою мать!

— Тише! — прошипела я и бросила короткий взгляд на Джорджи. Он даже не шелохнулся, продолжая внимательно смотреть мультфильм на экране телевизора.

— Что там? — Кейт вскочила со стула, подошла к Ане и, не сдержавшись,хватила у неё лист. Несколько секунд её взгляд метался по строчкам. А затем она, тихо повторила:

— Твою мать... Это же...

— Завещание, — закончила за неё Ана, и уставилась на меня, будто видела впервые.

Я молча кивнула.

— Что? — Тим выпрямился и растерянно скрестил руки на груди. — Какое завещание?

Кейт поднесла лист ближе к настольной лампе и зачитала:

— «Все мои акции, права управления и любые другие имущественные права в компании, после моей смерти, переходят в полное и исключительное владение моей дочери, Адель Эванс.

Ей предоставляется право распоряжаться компанией по своему усмотрению — включая, но не ограничиваясь: управлением, продажей или передачей активов».

— То есть... — Тим внимательно посмотрел на меня. — Ты владела компанией с самого начала?

— Официально — да, — мой голос прозвучал тихо, почти глухо.

— Я ведь говорила, что папа хотел этого, — сказала Ана. Но в её тоне было не облегчение, а будто лёгкое разочарование.

— Это же прекрасно, — Кейт оторвалась от бумаги. — У тебя теперь есть не просто правда, а законное подтверждение. Что будешь с этим делать?

— В том-то и проблема. Понятия не имею, — тяжело вздохнула я. — Если честно, мне страшно. Вы же знаете, на что они способны.

— Кто «они»? — спросил Тим. Он по-прежнему ничего не понимал и, казалось, смотрел на нас, как на сумасшедших.

— Наша старшая сестра и её муж. Сейчас они владеют компанией... точнее, медленно её разрушают, — ответила за меня Ана.

— У вас есть ещё сестра? — Тим уставился на меня.

— Это долгая история, — вздохнула Кейт.

— Забавно, что даже за пять лет у тебя не нашлось времени рассказать эту “жутко долгую” историю о сестре, которая у тебя всё отобрала, — пробормотал он и бросил на меня укоризненный взгляд.

— Честно говоря, я вообще удивлена, что ты хотя бы знаешь о моём существовании, — в своем саркастическом стиле бросила Ана, покачивая ногами. Затем, уже серьёзнее, добавила, глядя прямо на Тима: — А если по делу — тебе лучше вообще ничего о них не знать. Эти люди опасны. Самое разумное, что ты можешь сделать, — держаться как можно дальше.

— Вот именно, — я кивнула и посмотрела на него. — Я знаю, на что они способны. И потому не хочу к ним приближаться. Я не вынесу, если своими действиями подвергну опасности Джорджи. Всё, ради чего я живу — чтобы он был счастлив и не знал всего того дерьма, что случилось с нами. Но, с другой стороны, если я откажусь от этого... — я кивнула на бумагу в руках Кейт, — это будет значить лишь то, что я испугалась. Родители доверили мне самое важное, что у них было, а я окажусь трусихой, которая снова всё упустила. Меня разрывает от противоречий, — я устало провела ладонью по лицу.

— Адель, ты в своём уме?! — вспыхнула Ана, соскочив со столешницы. — Ты забыла, что Натали сделала в прошлый раз?

— Что сделала? — Тим снова уставился на нас, явно теряясь в происходящем.

Я бросила на сестру укоризненный взгляд.

— Прости, — одними губами произнесла Ана.

— Натали опозорила меня перед советом директоров, чтобы мою кандидатуру даже не рассматривали. Думаю, она знала про завещание — и потому так спешила меня дискредитировать.

Тим молча кивнул, но я уловила в его взгляде плохо скрываемый интерес.

— Я понимаю Ану, — вмешалась Кейт. — Но это не повод сдаваться. Мы можем нанять адвокатов, хотя бы попробовать вернуть то, что по праву твоё. Ну правда, что это за мир, если даже с завещанием и последней волей отца ты ничего не можешь сделать? Они, чёрт возьми, не всеильны! Это просто наркоманка-психопатка и её муж, который, похоже, не сильно от неё отличается.

Я задумчиво смотрела на подругу, переваривая её слова.

— А ты, Тим? Что думаешь? — спросила я, вглядываясь в его тёмные, внимательные глаза.

— Если это угрожает тебе или Джорджи, я бы постарался тебя отговорить. Ничто не стоит дороже вас. Но это твоё решение. И я не вправе его за тебя принимать.

— Это будет чертовски глупо — сбежать поджав хвост, — фыркнула Кейт. — У меня прям руки чешутся — так хочется наказать эту психопатку.

— Кейт, это не игра. Ты забыла, что она выкрикивала, когда напала на меня в ресторане?

— Я всё помню, — тихо сказала Кейт. — До последнего слова, будто это было вчера.

— Напала?! — Тим резко выпрямился, и я заметила, как сжались его кулаки.

Я выдохнула, чувствуя, как на секунду проваливаюсь в усталость, и всё же собралась с духом, чтобы сказать то, что наверняка разозлит Кейт.

— Она пыталась меня утопить.

— Что?! — Глаза подруги округлились. — К-когда?! — Она запнулась, как всегда, когда волнение брало верх.

— Две недели назад. Она была на приёме в честь дня рождения отца... — я почувствовала, как лёгкие обожгло, едва его имя застыло на губах. Голос дрогнул, но я продолжила: — Я сказала то, что стоило бы оставить при себе. Не справилась с эмоциями. Она схватила меня за горло. Начала душить. Мы упали в бассейн. Но она не остановилась... — всхлип застрял в горле, и я едва удержалась, чтобы не сорваться. — Я думала, это конец. Но меня спас... спасли.

Имя так и не сорвалось с губ. Но я ощущала, как сердце ускорило ритм, стуча в ушах тяжёлыми ударами.

— Почему ты ничего не сказала?! — Кейт в ужасе посмотрела на мою шею, словно ища следы. — Ты знала?! — она резко обернулась к Ане.

Сестра медленно кивнула.

— Мне бы сейчас вас обеих придушить, — прорычала Кейт.

— Я не знала, как это рассказать. Всё стало слишком запутанным. Я до сих пор прихожу в себя.

— Тогда я против, — неожиданно сказала Кейт, скрестив руки на груди.

— Значит, вы все против?

Все трое кивнули.

Я прикусила губу, задержала взгляд на каждом из них — и кивнула в ответ.

— Значит, решено.

Глава 4

Я открыла глаза и уставилась в окно. Рождественское утро было затянуто серым, тяжёлым небом, будто город накрыли мокрым шерстяным пледом. Изредка по нему ползли бледные всполохи молний — тусклые, словно помехи на экране старого телевизора. Дождь лил без остановки, будто стал аккомпанементом моей тягучей меланхолии.

В голове всплывали отрывки вчерашнего разговора. Тим и Ана были уверены: завещание лучше не трогать. Оставить всё как есть, не ворошить осиное гнездо. Кейт сначала сомневалась, но потом, хоть и неохотно, согласилась: это слишком опасно. Всё звучало разумно — взросло, осторожно, с холодной ясностью. Тогда почему казалось, что всё внутри меня противится этому решению?

Мысли снова и снова возвращались к отцу. К тому, чего он хотел: чтобы я возглавила компанию. Речь шла не о деньгах — они никогда не были в приоритете. Дело было в наследии. В памяти. Я была уверена: родители не простили бы мне того, что я отступила. Своим молчанием, своей нерешительностью я будто предавала их. Добровольно соглашалась прожить жизнь в стороне от того, во что они верили, что строили, не бросая своё дело даже в самые тяжёлые времена.

Но теперь я не одна. У меня есть сын. И ничто не может быть важнее того, чтобы он был в безопасности. Я не имею права делать ничего, что может причинить ему вред — даже в самой малой степени.

Я повернула голову к детской кроватке. Джорджи спал, свернувшись калачиком, поджав под себя ножки — такой крошечный, незащищённый. В его ладони я заметила синего мишку — того самого, которого когда-то подарил ему Майкл. Я помню тот вечер до мелочей: он приехал поздно, что было на него не похоже.

Майкл выглядел измождённым — глаза покрасневшие, движения замедленные, как будто каждый шаг давался с усилием.

Первым делом он притянул меня к себе, его губы скользнули по моей шее, и мурашки тут же расплзлись по всему телу, как огонь по сухой траве.

— Как же я скучал... — прошептал он, не переставая покрывать моё лицо и шею поцелуями.

— Ты в порядке? — тихо спросила я, взяв его лицо в ладони. — Выглядишь очень уставшим. Хочешь ванну?

Он покачал головой и, не отводя взгляда, тихо произнес:

— Я согласен на всё. Но только если это значит, что ты будешь рядом. Я ждал этого весь день... Ты даже не представляешь, насколько одержимо, — его голос звучал хрипло.

Он глубоко вдохнул, уткнувшись носом в мою шею, и замер на секунду — будто тонул в моём запахе. Впрочем, как и я — в его. Потом медленно отстранился и поднял на меня глаза.

Они были усталыми: белки покрыты тонкой сеткой раздражённых капилляров, из-за чего цвет стал не белым, а красновато-пурпурным.

Его взгляд был серьёзным, почти болезненно сосредоточенным на мне.

— У меня кое-что есть, — неожиданно произнес Майкл.

— Что?

— Я увидел его в магазине возле ресторана, где мы обедали с партнёрами. Зверёныш такой чудной, но в нём что-то есть... И я сразу подумал о Джорджи, — сказал Майкл, расстёгивая кожаный портфель. Он отодвинул несколько папок, нащупал что-то в глубине внутреннего кармана и через пару секунд достал небольшого мишку — странного, забавного, но точно того самого любимого Джорджи оттенка синего.

Я расплылась в улыбке — глупой, широкой, неконтролируемой. Я не знала, что умиляло меня больше: то, что посреди рабочих встреч он думал о нас, о Джорджи... или то, что целый день таскал эту нелепую игрушку в деловом портфеле между бумаг и важных документов.

В тот момент я впервые по-настоящему захотела, чтобы Майкл стал отцом для Джорджи. Мне казалось, я могу доверить ему самое дорогое. Своего сына. Себя. Всё, что у меня есть.

От этой мысли я вдруг усмехнулась — сухо, с какой-то усталой горечью. Господи, какая же я была наивная.

Как же мне хотелось всё это забыть. Почему память играет со мной в такие жестокие игры? Мозг, будто неисправный проектор, бесконечно прокручивает сцены, связанные с ним, будто вмонтированное в сознание кино — до рези в груди, до удушья в лёгких.

Я на цыпочках вышла из комнаты, стараясь не разбудить никого, и привычно направилась на кухню — заварить себе кофе.

— Эй, — раздался голос позади. Я вздрогнула.

— Ты напугала меня, — пробормотала я, обернувшись.

Кейт стояла в дверях — сонная, в красной фланелевой пижаме. Волосы собраны в расчёпанный пучок, зелёные глаза прищурены, будто её ослепило яркое полуденное солнце. Она зевнула, прикрывая рот тыльной стороной ладони.

— Прости, — хрипло сказала она.

Я молча повернулась к чайнику и нажала кнопку.

— Будешь кофе? — спросила я, бросив взгляд через плечо. — Хотя, если честно, на вкус это больше похоже на сожжённую солому.

— Если ты будешь пить, — произнесла спокойно Кейт, устраиваясь за столом, — я рискну тоже попробовать это чудо-варево.

Я криво усмехнувшись, достала вторую чашку и насыпала в неё пару ложек черно-коричневых гранул. Кейт, как и я, пила кофе без сахара — хотя, возможно, сейчас она об этом пожалеет.

Чайник щёлкнул после долгого бурления. Я залила обе кружки кипятком и медленно размешала порошок, звеня ложкой о тонкие стеклянные стенки.

Сев напротив, я протянула чашку Кейт.

— Как спалось? — спросила я, делая первый глоток этой странной, уже почти привычной жидкости.

Мой взгляд скользнул по бледной коже Кейт — с мелкими заломами, словно она уснула лицом в подушку и пролежала так всю ночь. Ворот её пижамы перекрутился, волосы спутались в маленькие колтуны, а ткань топорщилась на локтях и талии. Но я бы солгала, сказав, что это хоть немного портило ту красоту, которой она обладала. Даже расчёпанная, в этом дурацком красном комплекте, Кейт выглядела безупречно. Она была одной из самых красивых женщин, которых я когда-либо встречала.

— Знаешь, — хрипло отозвалась она, зевая, — я всегда думала, что рассказы Аны про “сон как у убитого” в этом доме — преувеличение. А т-теперь... теперь понимаю, о чём она. Я давно так не спала. И да, знаю, что выгляжу не лучшим образом — перестань так на меня п-пялиться.

— Вы с Аной, кажется, сблизились в последнее время. А пялюсь я потому, что ты очень красивая, — пожала я плечами, не отводя взгляда.

Кейт фыркнула и покачала головой.

— Кто бы говорил. Я уже и забыла, как ты выглядишь даже после сна. Бесишь, насколько хорошо!

Она сделала первый глоток, и её брови резко сдвинулись, на переносице прорезая глубокую складку. Затем она сморщила нос, и его кончик забавно вздёрнулся.

— Чёрт... — пробормотала она. — Почему не попросила привезти тебе нормальный кофе?

Я пожала плечами.

— Не знаю. Наверное, это мой способ наказания. Пока не приду в себя — никакого хорошего кофе.

Кейт уставилась на меня поверх кружки.

— Знаешь... последнее, что тебе сейчас нужно, — это наказывать себя. Всё вокруг уже и так одно сплошное, чёртово наказание.

Я отвела взгляд.

— Я сама виновата.

— Адель... — подруга громко поставила чашку и склонилась вперёд. — Нет. Ты ведь понимаешь: ты не несёшь ответственности за чужую л-ложь. Он...

За эти две недели я так и не нашла в себе сил рассказать всё Кейт. Но, судя по её взгляду, сестра уже успела изложить историю во всех мельчайших, болезненно точных деталях.

— Ане стоит научиться держать язык за зубами, — бросила я сухо.

— Она беспокоится о тебе.

— Как? Рассказывая всем подряд, какая я дура? Что влюбилась в человека, который играл со мной?

— Во-первых, я не думала, что для тебя я “в-все подряд”. — Голос Кейт дрогнул. — А во-вторых, с чего ты взяла, что ты д-дура? Почему ты снова всё взваливаешь на себя?

— А на кого ещё, Кейт? Да, он обманул меня. Но я ведь даже не почувствовала подвоха. После всего, что со мной было... как я не смогла распознать самого главного лжеца? Натали хотя бы не прячется — она сразу показала, кто она. А он...

— Ты не одна! Я... я не знаю, чему верить. Я видела, как он смотрел на тебя. Я даже завидовала, понимаешь? Завидовала тому, с какой бережностью он к тебе прикасался. Словно ты хрустальная. Я не понимаю.

— Я тоже, — прошептала я и сделала ещё один глоток. Горечь в горле показалась особенно сильной — и кофе тут был ни при чём.

— Я скажу только один раз. Больше не буду. — Голос Кейт звучал твёрдо.

— Я не хочу слушать, если речь о нём.

— Нет, ты послушаешь.

Я подняла на неё глаза. Она смотрела прямо, без тени сомнения — так уверенно, что я, вопреки своему желанию всё прекратить, всё же решила выслушать её.

— Я знаю, он облажался. Но разве такое можно сыграть? Он кажется действительно любит тебя, Адель. Сейчас он словно тень — не спит, не ест. Ночует в машине у твоего дома. Плевал на работу, на всё. Я знаю, что он причинил тебе боль. Но может, хотя бы на секунду ты допустишь, что не всё было ложью? Что, если он просто ошибся...

— Просто ошибся? — я уставилась на неё, как на человека с другой планеты. — Его. Брат. Изнасиловал. Меня. Ты слышишь? Его ублюдок брат! Он знал. Всё знал. И не сказал ни слова. Как я могу ему верить после этого? О какой любви ты говоришь? Разве любовь — это молчание? Он сблизился со мной, стал частью нашей жизни... частью жизни Джорджи. Я пустила его к сыну. К самому дорогому, что у меня есть. — Последние слова срываются в шёпот. — Из-за его брата мой сын растёт без отца. А если однажды Джорджи узнает, что появился на свет после... после того, как... — голос предательски дрогнул, оборвался. — Как ты думаешь — это просто ошибка?

Кейт опустила глаза. Плечи её поникли.

— Ты п-права... прости, — проговорила она едва слышно. — Я не знала. Не видела всего.

Я не ответила. Только сглотнула подступившие слёзы — те, что снова резали горло изнутри, выворачивая меня наизнанку. И вдруг я поняла: боль от сказанного ничуть не меньше, чем от самого произошедшего.

Накрыв на стол, я подошла к маленькой, слегка неуклюже наряженной ёлке и положила под неё подарок для Джорджи. Купила я его задолго до того, как всё это случилось. Помню, как они с Майклом бегали по квартире, прикладывая ладони к уху и выкрикивая: «Как слышно меня? Приём!»

Тогда-то мне и пришла в голову идея подарить ему рации: маленькие, яркие, с мигающими светодиодами, кнопками, голосовой связью и радиусом действия до двух миль. Слишком круто для игрушки. И, пожалуй, слишком символично — ведь, покупая их, я представляла, как они с Майклом будут играть вместе, прятаться по углам квартиры и шептать друг другу в рацию.

Теперь же я надеюсь, что Джорджи не разочаруется, если на другом конце буду я.

Всё было готово. Мы ждали только Мариану. Тим, в чёрной рубашке, с гладко зачёсанными назад волосами, сидел на полу и собирал новый конструктор с Джорджи. Сын то и дело косясь под ёлку, будто сдерживал себя из последних сил, чтобы не броситься и не сорвать с коробок блестящую упаковку. Я поймала взгляд Тима. Он на мгновение задумался — и улыбнулся. Его глаза обожгли, как всегда. В них было что-то настойчиво читающее меня, будто он видел то, что я прятала тщательнее всего.

Кейт и Ана сидели за столом, обе — в похожих бархатных платьях, цвета красного вина. О чём-то переговаривались, склонив головы ближе друг к другу.

— Вы прямо как сёстры, — сказала я, криво улыбнувшись, подходя ближе.

Они странно переглянулись, будто я ляпнула что-то неуместное.

— Платья у вас похожие, — пожала я плечами и отщипнула виноградинку с тарелки.

Слабый стук в дверь привлёк наше внимание. Ана резко встала, встряхнула подол платья и провела ладонями по бёдрам, приглаживая складки. Затем не спеша направилась к двери. Её волосы свободно струились по спине, переливаясь в мягком свете гостиной.

— О чём думаешь? — прервала мои мысли Кейт.

— О том, какая она красивая.

Кейт кивнула.

— Ваша семья точно выиграла генетическую лотерею, — усмехнулась она, едва заметно, с ноткой зависти, которая всё же звучала не как упрёк, а как признание.

Ана открыла дверь. На пороге стояла Мариана — чуть смущённая, с лёгкой неуверенностью, но в её взгляде читалось: она рада быть здесь. Видно было, что она готовилась — под серым шерстяным пальто проглядывало длинное чёрное платье, строгое и элегантное, а лёгкий макияж мягко подчёркивал её светло-серые глаза.

— Прекрасно выглядите, — сказала я, подходя ближе.

— Ой, спасибо, деточка. И спасибо за приглашение. Вы все такие красивые — прямо глаза радуются, — с лёгкой, почти стеснительной улыбкой ответила Мариана, переводя взгляд с одного на другого.

— Я Ана. Помните меня? — произнесла сестра, протягивая руку.

— Как же не помнить, милая, — тепло сказала Мариана и мягко сжала её ладонь.

— А это Кейт, моя подруга, — представила я, когда Кейт шагнула вперёд.

— Очень приятно, — улыбнулась Кейт.

— И мне, дорогая, — отозвалась Мариана.

Кейт помогла ей снять пальто и проводила в гостиную.

Мы расселись за круглым столом. Комната была наполнена запахами — мяса, красного вина и свежих еловых веток, которые утром принёс Тим. Мариана говорила легко, словно с

каждой фразой растворялась её неловкость. Она вспоминала наше с Аной детство — истории, смешные и живые, полные мелких деталей, которые я, оказываясь, успела почти забыть. Кейт и Тим слушали с неподдельным интересом, время от времени громко смеясь, и на секунду я поймала себя на мысли, что комната будто ожила — как в те годы, когда всё ещё было по-другому.

— А ваш муж? — спросила Кейт, когда речь зашла о внуках.

Мариана опустила глаза, и в её взгляде проступила тихая, глубокая печаль.

— Френка не стало два года назад, — тихо сказала она. — Всё произошло внезапно. Мы позавтракали, он собирался заехать сюда — забрать какие-то инструменты. Я даже помню его последнюю фразу: «Пять часов — и я уже вернусь, моя дорогая. Посмотрим ту драму, что ты хотела». Через пару часов он позвонил. Говорил, что потянул спину, когда лез на чердак и не может сесть за руль. Попросил привезти мазь. А когда я приехала...

Она замолчала. Глаза её на секунду закрылись.

— Он лежал прямо посреди гостиной. У него был инфаркт. Думаю, он сам не понял, что с ним происходит. Впрочем, как и я.

В комнате повисла тишина. Мы молчали, не зная, что сказать.

— Первое время я не могла сюда приезжать, — продолжила она после продолжительной паузы, — всё ждала, что увижу его на веранде. С отверткой или пассатижами в руках. Он обожал мастерить. Иногда казалось — даже больше, чем поест, — с печальной усмешкой сказала она, и мы невольно улыбнулись в ответ. — Но больше всего он любил меня. Его глаза... такие любящие, проникательные. Он всегда знал, что сказать, как меня поддержать. Наверное, поэтому он был лучшим родителем из нас двоих. Когда его не стало, дети просто... перестали приезжать.

Я отвела взгляд, незаметно вытирая щеку. Слеза, предательски скатившаяся вниз, жгла кожу.

— Давайте выпьем за любовь, — неожиданно произнёс Тим, подняв бокал. — За то, чтобы каждый из нас испытал это чувство. Пусть даже оно будет недолгим, но останется ярким воспоминанием.

Звон бокалов разлетелся по гостиной, прорезав повисшую до этого тишину. Я ощутила на себе взгляды Аны и Кейт — внимательные, прожигающие, словно они пытались что-то сказать без слов. Что-то, что я, наверное, не была готова услышать. Сделав глоток шампанского, я опустила глаза в тарелку и медленно начала ковырять салат, чувствуя, как вместе с аппетитом уходит и вкус праздника.

— Адель, не могла бы ты порадовать старую женщину? — произнесла Мариана, слегка наклонившись ко мне.

— Конечно. Что угодно, — подняв глаза, я встретила с ней взглядом.

— Я так давно не слышала, как ты играешь, — мягко произнесла она. — Позволь мне насладиться этим ещё раз.

Я замерла. Слова, тяжёлым эхом повисли в воздухе.

— Если честно... я очень давно не садилась за инструмент, — тихо призналась я.

— И почему же? — Мариана нахмурилась. — Я помню, как ты любила играть. И как у тебя это превосходно получалось. Мы с твоей мамой всегда слушали тебя, затаив дыхание. Уверена, она бы хотела, чтобы ты продолжала.

— Попробуй, — едва слышно, почти шёпотом, произнесла Кейт.

Я медленно поднялась из-за стола, аккуратно переложив салфетку с колен на стул. Ноги казались ватными, каждый шаг к чёрному, отполированному роялю отдавался в груди странным гулом, словно я приближалась не к инструменту, а к чему-то, от чего столько лет бежала.

Этот рояль был не просто мебелью. Он был её. Маминым. С тех пор, как её не стало, я не прикасалась к клавишам. Их холодный блеск казался чужим и в то же время — пугающе

знакомым, будто каждый звук, который я могла извлечь, разбудил бы призраки, которых я пыталась убаюкать.

Моя ладонь коснулась лакированной крышки. Пальцы зацепили поверхность, издав тихий, почти болезненный скрежет. Я села на жёсткую кожаную скамейку, тяжело выдохнула, и ещё несколько мгновений сидела неподвижно, не решаясь поднять крышку.

— Мамочка! — Джорджи, спрыгнув со стульчика, подбежал и протянул руки. — Можно я с тобой посижу?

— Конечно, родной, — я подняла его и усадила рядом, на краешек скамейки.

— Можно я нажму? — спросил он, когда я медленно подняла крышку.

— Да, — слабо кивнула я.

В то же мгновение маленький пальчик осторожно нажал на клавишу, и тонкий, чистый звук разнёсся по гостиной. Моё тело отреагировало мгновенно — сжалось, дрожь прошла по позвоночнику, холодком отозвавшись в кончиках пальцев.

Джорджи поднял на меня своё личико и положил ладошку на колено. Молча, но так уверенно, словно он понимал всё лучше, чем любой взрослый.

— Мамочка, не волнуйся. Я рядом, — произнёс он тихо, тем самым тоном, каким я сама всегда успокаивала его, когда он боялся или нервничал.

Я глубоко вздохнула. Провела пальцами по клавишам, позволяя им вспомнить меня, а себе — вспомнить их. С губ сорвался тихий, неровный звук — не то вздох, не то всхлип, который растворился в гулком звуке.

Перед глазами поплыли воспоминания — яркие, режущие, обжигающие. Пальцы сами начали бегать по гамме, неловко, с дрожью, но не останавливаясь.

И вдруг я заметила: рояль звучит чисто. Ни единой фальшивой ноты. Он не был заброшенным — наоборот, казалось, его настраивали совсем недавно. Я подняла растерянный взгляд на Ану. Она едва заметно кивнула, словно без слов понимая мой немой вопрос.

— Я настраивала его каждый год, — тихо сказала она.

Я удивлённо уставилась на сестру, в то время как мои пальцы без остановки пробегали по клавишам, скользя от нижней октавы к верхней и обратно.

— Просто... надеялась, что однажды ты вернёшься. И снова начнёшь играть, — она слегка, почти виновато, поджала плечи.

Слёзы подступили, наполняя нижние веки, и я едва удерживала их, чтобы они не скатились по щекам. Но пальцы будто жили своей собственной жизнью. Я начала играть — с помарками, задержками, неуверенно, но всё же играла. Словно тело помнило больше, чем память. Казалось, эти пять лет просто исчезли, когда я наблюдала, как руки находят верные ноты.

Под пальцами зазвучала Ludovico Einaudi – Experience — та самая мелодия, которую я разучивала незадолго до смерти родителей. Каждая нота звучала, как удар сердца — болезненный, но дающий утешение. С каждым тактом я погружалась глубже в музыку, уже не сдерживая слёз. Они текли горячими струйками, падали на руки и клавиши, оставляя на глянце темноватые разводы туши.

Комната застыла. Никто не шевелился, не говорил. Только звучание маминого рояля, мои неровные всхлипы и ровное дыхание Джорджи рядом. Я играла, вдавливая клавиши всё сильнее, словно вместе со звуком рвала на части все воспоминания, всю сжавшуюся боль. И, нота за нотой, собирала себя заново — возвращая ту Адель, которая ещё не знала, что потеряет всё.

Глава 5

Приоткрыв веки, я несколько секунд вглядываюсь в темноту, пытаюсь понять, где нахожусь. Кажется, впервые за последние недели мне удалось поспать дольше, чем полчаса. Может, из-за приезда ребят. А может, из-за вина — после моего выступления за роялем меня так трясло от воспоминаний и эмоций, что лишь третий бокал сумел умирить дрожь и приглушить рой навязчивых мыслей.

Постепенно приходя в себя, я приподнимаюсь на локтях. Горло саднит от сухости, и каждый вдох словно царапает изнутри. Бросаю взгляд на Джорджи: он спит рядом, свернувшись клубочком под одеялом. Снова проснулся среди ночи и попросился ко мне. Я люблю, когда он прижимается, обнимает крепко, будто я его островок спокойствия и безопасности. Это чувство не сравнить ни с чем.

И всё же, каждый раз, проводя рукой по его мягким волосам, меня пронзает одна и та же мысль: слишком скоро он вырастет. Станет подростком, который будет хлопать дверьми, уходить, отталкивать мои объятия и закатывать глаза на любое мамино слово. Я помню, как мы мучили родителей. Натали возвращалась домой пьяная, я пропадала до поздней ночи, а Ана... казалось, нарочно доводила маму, испытывая её терпение на прочность.

Я должна ценить каждую минуту с ним. Должна быть сильной. Перестать раз за разом рвать себя из-за тех, кто этого не стоит, и наконец сосредоточиться на времени, которое у нас есть с моим маленьким мальчиком.

Тихо, на цыпочках, я выскальзываю из комнаты. Мне нужен стакан холодной воды. Осторожно прикрываю дверь спальни, и тут же замечаю: тёплый свет из гостиной тонкой полоской тянется по коридору, окрашивая паркет в медово-золотой оттенок. Я замираю. Слышу шёпот.

— Я не знаю... я ещё не готова, — едва различимый женский голос.

— А когда б-будешь? — отвечает второй, резче. По лёгкому заиканию я сразу узнаю Кейт. — С-сколько ещё мы будем прятаться, как мыши?

Затаив дыхание, я крадусь к углу, ведущему в гостиную. С каждым шагом пол скрипит, будто стонет, а сердце бьётся так громко, что мне чудится — его слышат все вокруг. Словно я делаю что-то противозаконное. И вот-вот меня поймут с поличным.

— Ч-чёрт, я устала, — снова Кейт. — Это нелепо. Мы взрослые. Ты понимаешь, что это б-бред? Сидеть среди ночи в гостиной, как заговорщики.

Я замираю. А затем делаю ещё шаг... ещё полшага. Осторожно выглядываю, надеясь, что тень скроет меня.

И в тот же миг мир под ногами проваливается.

Я застываю, окаменев, ладонь сама тянется к губам, сдерживая крик, который готов сорваться.

Слабый свет настольной лампы выхватывает из темноты диван. На нём — Ана и Кейт.

Я резко отшатываюсь, вжимаюсь спиной в холодную стену. Воздух будто застревает в горле, дыхание сбивается, сердце рвётся наружу.

В голове бьётся одна-единственная, жутко громкая мысль:

Что, чёрт возьми, я только что увидела?

— Пойдём к тебе или ко мне? Глупо — сидеть здесь, — слышу я шёпот Кейт.

— Между нашими спальнями — комната Адель. Она может услышать. Здесь слишком тонкие стены. Каждую ночь до меня доносится её плач, — тихо отвечает Ана. Я снова зажимаю рот рукой, чтобы не выдать себя.

— Я знаю, ей сейчас тяжело, и мы рядом каждое мгновение... Но это не значит, что мы должны скрывать своё счастье, — Кейт говорит почти шёпотом, но в голосе прорывается раздражение. — Эти прятки до добра не доведут.

— Я не знаю, как она отнесётся. Сейчас совсем не время. Она разбита. И ещё это завешивание... Как мне подойти к ней и всё рассказать? Как объяснить? — так же тихо отвечает Ана. — А если она отреагирует, как...

— Тебе не стоит сомневаться, что Адель поймёт, — перебивает её Кейт, чуть повышая голос. — Мы и так слишком долго скрываем столько всего от неё. Она мой лучший друг, а твоя сестра. — Кейт нарочито выделяет слова, будто повторяет эту фразу не в первый раз. — Адель не станет нас упрекать. Адель не твоя...

— Тише. Нас могут услышать, — шипит Ана, перебивая Кейт на полуслове. — Я знаю, просто...

— Или ты не уверена? — в голосе Кейт слышится тревога.

— В чём? В нас? — Ана отвечает сразу, резко.

— Просто эти тайны... это так глупо. Сначала Адель скрывалась с Майклом, теперь мы. Словно никто никому не доверяет.

— Я знаю, — тихо вздыхает Ана. — Потерпи ещё немного. Дай мне время. Хочу, чтобы Адель сначала пришла в себя... а потом мы уже всё ей расскажем.

Я больше не слышу их голосов — медленно, стараясь не издавать ни звука, отступаю назад и возвращаюсь в свою комнату. Осторожно прикрыв дверь, опускаюсь на край кровати. Темнота будто сгущается, давит, а я сижу, пытаюсь перевести дыхание и осознать то, что только что увидела и услышала. Эта сцена, как застывший кадр, не уходит из головы.

Как я могла этого не замечать?

Лучи утреннего солнца пробиваются сквозь незакрытые занавески. Я лежу неподвижно, наблюдая, как свет медленно растекается по комнате, будто давая время собраться с мыслями. Выходить из этой тишины не хочется. Я знаю: за дверью — Кейт и Ана, и мне придётся выдерживать их пристальные взгляды, делая вид, что я ничего не видела и ничего не знаю.

Я никогда не умела прятать эмоции. Моя мимика выдаёт меня быстрее любых слов. Как вести себя, зная то, что они пока держат в секрете?

Я слишком люблю их обеих, чтобы требовать объяснений или упрекать за скрытность. Меня это не пугает, не вызывает отторжения, просто требует времени, чтобы принять. Чтобы привыкнуть к мысли, что мир, к которому я привыкла, снова чуть изменился.

Я глубоко выдыхаю и решаю: молчать. Сделать вид, что ничего не знаю. Дать им время и пространство, чтобы они сами нашли момент и рассказали. Они заслужили хотя бы это.

Выходя на кухню, я чувствую облегчение: там никого нет. Вероятно, все ещё спят. Я наливаю себе холодной воды, делаю несколько глотков, ощущая, как прохлада медленно смывает сухость из горла.

Делаю еще один глоток — и вздрагиваю, когда за спиной раздаётся хриловатый голос Аны:

— Доброе утро.

Вода в горле становится тяжёлой, я сглатываю слишком громко и закашливаюсь.

— Доброе, — сипло отвечаю, вытирая тыльной стороной ладони влажные губы.

— Ты в порядке? — её брови чуть приподнимаются.

— Да... просто ты меня напугала.

— Настолько страшная? — криво усмехается она.

— Конечно, нет, — нервно смеюсь, смех выходит сухим.

Ана чуть прищуривается, рассматривая меня внимательнее.

— Ты какая-то странная.

— Просто плохо спала.

— В последнее время бывает иначе? — её голос звучит удивительно мягко.

Я не отвечаю. Только опускаю взгляд на столешницу, медленно крутя стакан в руках.

— Что думаешь сегодня делать? — наконец произносит она, меняя тему. — Может, устроим сплав на лодках по реке? Думаю, и Кейт, и Тиму понравится. Джорджи точно будет в восторге. Особенно с его новыми рациями.

— Да... хорошая идея, — я медленно киваю головой.

— Но ты правда сегодня какая-то не такая. — Её слова звучат не как вопрос, а как констатация.

— Тебе кажется. Я в порядке, — отвожу глаза и начинаю перекладывать на столе вещи с места на место, лишь бы не встретиться с ней взглядом.

Она не двигается. Боковым зрением улавливаю, как она стоит, облокотившись на косяк, обдумывая что-то.

— Ладно. Пойду разбужу Кейт, — говорит она. Я чувствую, как тело предательски напрягается, а глаза расширяются — жест мгновенный, почти неуловимый, но внимательный взгляд Аны выхватывает его.

— Адель... ты точно в порядке? — её голос тише, чем обычно, а взгляд уже не просто внимательный, а пронизывающий.

— Да, я в порядке, не переживай, — наконец набравшись смелости, я перевожу неуверенный взгляд на сестру. — Я просто хотела сказать ... что очень люблю тебя. И что всегда буду рядом, что бы ни случилось. Я знаю, что слишком часто застреваю в своих проблемах, утягиваю всех за собой и забываю напоминать об этом. Наверное, жить рядом со мной чертовски непросто. Кажется, будто весь мир крутится вокруг моих бед, и я ворую у тебя твою жизнь. Прости меня за это.

— Эй, о чём ты? — Ана качает головой. — Это не так. Ты не виновата в том, что с тобой происходит. И уж точно ничего у меня не ворует.

— Дай договорить, — перебиваю я.

Она кивает, машинально запуская пальцы в волосы, почесывая кожу головы — привычка, выдающая её напряжение. Её взгляд мечется по моему лицу, словно пытаясь прочесть, что на самом деле стоит за моей внезапной откровенностью.

— Я не всегда рядом. Не всегда веду себя как старшая сестра, — говорю тихо, задерживаясь на каждом слове. — Но ты должна знать: ты для меня важна. Если захочешь чем-то поделиться, тебе не нужно решать — стоит ли. Потому что я всегда поддержу тебя. Что бы ни случилось. — Я встречаю её взгляд и выдыхаю чуть тише, почти шёпотом: — Просто хотела, чтобы ты это знала.

— Я всегда знала, — наконец произносит Ана и подходит ближе.

Её руки обхватывают меня крепко, почти до боли в рёбрах.

— Я никогда в тебе не сомневалась, уж поверь, — продолжает она. — Даже тогда, когда ты сбежала. Я знала: это было ради Джорджи, а не ради тебя. Ты всегда готова жертвовать всем ради тех, кого любишь, отбирая всё у себя. Я даже не думала сомневаться в этом. И если твоя жизнь полна проблем, ты не должна за них извиняться или чувствовать вину.

Она чуть отстраняется, всматривается в меня.

— Вообще-то это была моя речь. Хватит перетягивать одеяло, — произношу с кривой улыбкой.

Ана криво усмехается.

— Прости, что порой веду себя... так, — она поджимает губы, словно обдумывает каждое слово. — Снобски. Это всё от мамы. Я знаю, что для тебя она была другой, и, возможно, тебе трудно это понять, но у нас с ней отношения были... не самыми простыми. Моё поведение — просто привычная защита.

— Я не упрекаю тебя в этом, — скидываю брови, встречая её виноватый взгляд.

— Да неужели? — она приподнимает уголки губ в кривой усмешке, пародируя моё выражение лица.

Я закатываю глаза, на что она смеётся:

— А говоришь, не упречаешь.

Ана отпускает меня, но остаётся стоять рядом.

— Просто знай: я люблю тебя, несмотря ни на что. И всегда буду любить. Кем бы ты ни была, — добавляю я, глядя, как её лицо меняется — будто она наконец понимает, к чему я клоню. Я надеялась, что этот разговор подтолкнёт её к откровенности, но, похоже, ещё не время.

— Я тоже люблю тебя. И знаю, что ты со всем справишься, — произносит она чуть смущённо, но искренне.

Я киваю. Ана разворачивается, делает пару шагов от меня в сторону коридора, но вдруг останавливается и бросает через плечо:

— И всё-таки, ты какая-то странная сегодня. Ей-богу, странная.

Сплав на байдарках оказался именно тем, что мне было нужно. После промозглого, дождливого Рождества небо наконец разогнало тучи, и солнце грело почти по-летнему, ослепительно отражаясь от спокойной глади реки. Вода тянулась перед нами, словно зеркало, а каждый взмах весла поднимал мелкие брызги, которые тут же оседали лёгкой прохладой на коже.

Я ритмично зачерпывала воду, стараясь не задеть Кейт, сидевшую напротив. Она, как и я, молча смотрела по сторонам, погружённая в свои мысли. Впервые за долгое время мне было спокойно в этой тишине. Ни мыслей, ни воспоминаний — только ощущение настоящего момента.

Деревянные домики на берегу медленно проплывали мимо. В воздухе смешивались запахи реки и тины, влажной коры и веток, что свисали прямо в воду. Лёгкий ветер приносил аромат соснового бора, а листья, потемневшие от влаги, неспешно кружились в воде, подхваченные течением.

Вдруг в тишине раздалось лёгкое шипение. Я дёрнулась, а затем невольно улыбнулась, когда из рации, которую Джорджи сунул мне перед стартом, послышался его голос. Он с серьёзным видом заявил, что «новое устройство нужно испытать безотлагательно».

— Приём, приём, мама, — послышался его восторженный шёпот.

— Приём, приём, Джорджи, — ответила я, зажимая кнопку, едва сдерживая смех.

— Как слышно меня? Приём! — голос его звенел от восторга.

— Прекрасно слышно, — ответила я, и рация затрещала.

День растаял, словно его и не было вовсе, к вечеру меня буквально разрывало от разочарования — хотелось ухватиться за ускользающее чувство покоя и не отпускать. Было слишком хорошо. Слишком легко.

Мы жарили маршмеллоу, нанизывая их на тонкие ветки, которые Тим терпеливо очищал от влажной, рыхлой коры. Его голос — мягкий, чуть насмешливый — объяснял Джорджи, какие ветки лучше гнутся, какие не дадут горечи.

Щёки уже начинали болеть от постоянной улыбки — Тим и Кейт сыпали шутками, перекидываясь колкими фразами, и казалось, только с ним Кейт становилась полностью собой. Даже заикание исчезало, а лицо освещалось чем-то детским, разглаживая все маленькие мимические морщинки. Как будто только рядом с ним она чувствовала себя спокойно. И я понимала её: Тим был именно таким человеком — его сверхсила заключалась в этом.

Когда Джорджи начал капризничать от усталости, мы вернулись домой.

Дождь начался почти сразу — внезапно, мощно, словно вся накопившаяся за день тяжесть обрушилась с неба. Казалось, крыша вибрирует от его напора: капли барабанили по стеклу, по черепице, стучали по отливам в каком-то хаотичном, тревожном ритме.

Сидя в полумраке, я смотрела в окно, наблюдая, как вечер расплывается в каплях. Я обернулась на пронзительный визг, раздавшийся с телевизора, и застыла, глядя на троих — Ана, Тим и Джорджи, тесно прижавшись друг к другу сидели под пледом, не отрывая глаз от экрана, в сотый раз пересматривая свои любимые мультики. Плед с длинной бахромой свисал до самого пола, почти полностью укрывая Джорджи. Его лицо, озарённое мягким светом лампы, было спокойно и безмятежно, и я не могла отвести от него взгляд. Это должно было утешать. Но что-то внутри вновь начинало ломаться.

Я чувствовала себя чужой. Лишней. Худшей матерью на свете.

Будто кто-то нажал на паузу и выключил звук. Джорджи смеялся — его звонкий голос звучал где-то рядом, но будто из другой комнаты, сквозь стекло, сквозь толщу воды.

Я любила сына до боли — до желания исчезнуть, лишь бы ему было хорошо. Но стоило мне представить возвращение домой... Майкла... его голос, взгляд, — и всё внутри сжималось, ломалось, обнажалось до кости.

Я не верила самой себе. Мне нужно всего одно слово. Один вечер. Один слабый момент — и я предам себя.

Потому что устала. Потому что боль, как ни странно, тоже истощает. А прощение иногда кажется единственным способом хоть немного приглушить внутренний хаос.

Я была где-то далеко, в вязком полумраке собственных мыслей, когда рядом села Кейт. Её голос — тихий, осторожный, как будто она боялась спугнуть меня:

— Адель... Адель...

— Прости, — выдохнула я. — Задумалась.

— О чём? Или о ком?

Я не ответила. Лишь сжала губы, сдерживая дрожь.

— У тебя сейчас такое лицо, будто ты съела лимон целиком, — попыталась разрядить обстановку Кейт.

Я слабо улыбнулась, не находя слов.

— Ты решила? Вернёшься с нами?

— Я не знаю... Я очень скучаю по Джорджи. Но стоит представить, что увижу... Майкла — и мне становится противно.

— Почему?

— Потому что я не смогу держаться от него подальше. Я знаю себя. Я просто не справлюсь.

Кейт на секунду замолчала.

— Адель, быть слабой — не преступление.

— Только не рядом с ним.

— Возьми столько времени, сколько тебе нужно.

— Мне нужна неделя.

— Хорошо. — Она кивнула. — Как скажешь.

Я опустила взгляд.

— Я должна думать в первую очередь о Джорджи.

Кейт кивнула, чуть поджимая плечи.

— Чёрт... ну и кашу вы заварили, ребята, — устало сказала она, потирая лицо тыльной стороной ладони.

— По-другому и не скажешь, — отозвалась я с кривой усмешкой.

На мгновение повисла тишина.

— Ты ведь понимаешь, Адель, — снова заговорила Кейт, — что если не дашь ему объясниться, это будет преследовать тебя?

— Я знаю, — прошептала я. — Но я боюсь.

— Чего именно?

— Что он снова найдёт слова. Что убедит меня — и я поверю. Потому что мне слишком больно. А он... он разобьёт меня.

Кейт долго смотрела на меня, затем наклонилась ближе, её ладонь легла на мою.

— Ты уже разбита, милая. Но, может быть, стоит хотя бы узнать, хотел ли он этого? Заслуживает ли второго шанса.

Я долго молчала, а затем спросила едва слышно:

— А если я не хочу знать правду?

— Будь честна хотя бы перед собой.

Они уехали ближе к вечеру. Джорджи выглядел так, будто вот-вот расплчется, но держался изо всех сил. Я стояла у окна и смотрела, как машина скрылась за поворотом. В груди стоял ком, а в голове словно мантра звучало только одно: Я ужасная мать.

Если бы не Тим, я бы просто сдалась. Но он остался. Неутомимо шутил, придумывал нелепости, лишь бы не дать мне провалиться в самые тёмные глубины собственных мыслей. Без Аны, Кейт и Джорджи дом казался странно пустым. Пустым и слишком большим.

Я села за рояль. Коснулась клавиш, будто впервые. Совсем недавно я не могла даже подойти к инструменту. А теперь — это стало единственным местом, где я могла дышать.

Глава 6

Дни тянутся медленно, вязко, будто кто-то намеренно растянул время между болью и облегчением. Почти всё время я провожу за роялем. Играю без остановки — долго, однообразно, будто пытаюсь найти в этих звуках ключ от себя самой. Иногда не сразу замечая, как по щекам катятся слёзы. Горячие, тяжёлые. Они падают на запястья, я не вытираю их. Пусть текут. Мне хочется верить, что вместе с ними придёт и облегчение, которого я так жду.

Каждое утро Тим заносит мне кофе. Он всегда появляется почти бесшумно, в своей чёрной футболке и старых джинсах, с лёгким запахом геля для душа. Его тёмные, карие глаза на секунду задерживаются на моём лице, будто проверяют — дышу ли я. За эти полгода Тим заметно похудел. Теперь, приглядевшись, я вижу не только коротко остриженные волосы цвета вороньего пера, но и обострившиеся скулы, запавшие щёки, костлявые запястья. Ключицы резко выступают под кожей, будто вырезаны лезвием — тонкие, острые, о которые, кажется, можно порезаться.

Он ставит чашку на край рояля, наклоняется чуть ближе, словно хочет что-то сказать, но каждый раз лишь кивает и отходит. Он молчит так громко, что от этого звона закладывает уши. Мысли его будто стучат о стены комнаты, а я делаю вид, что не слышу.

Мы всё ещё много гуляем, разговариваем. Тим старается отвлечь меня историями о своём детстве, а когда я застываю в мыслях — начинает шутить, лишь бы вызвать у меня хоть тень улыбки. Иногда это получается. Но я вижу его взгляд — внимательный, слишком пристальный, будто он боится, что я рассыплюсь прямо на его глазах.

В один из вечеров, по ставшей привычной традиции, мы устраиваемся на диване с огромным ведром шоколадного мороженого. Фильм бубнит фоном, я едва улавливаю сюжет — мысли где-то далеко. Мы с Тимом поочередно ковыряем ложкой подтаявшую массу, и я всё чаще ловлю на себе его взгляд. Он будто вновь собирается что-то спросить, но не решается. Каждый раз, когда я оборачиваюсь, он тут же отводит глаза.

Наконец я не выдерживаю. Бросаю ложку в ведро с растаявшим мороженым и поворачиваюсь к нему, вглядываясь в тёмные глаза, обрамлённые густыми ресницами.

— В чём дело?

Он вздрагивает, будто я застала его за чем-то запретным.

— В каком смысле? — его глаза широко распахиваются в преувеличенном удивлении.

— Ты ведь хочешь что-то спросить. Я чувствую. Ты молчишь... слишком громко.

Он отводит взгляд — виновато, словно теперь ему остаётся лишь признать вину молча. Он опускает ложку в ведро с растаявшим мороженым — та глухо стучит о дно. Тим рассеянно водит ею по краям, будто в этом сладком месиве прячутся слова, которых он никак не может подобрать.

Рука едва заметно дрожит. Он поднимает глаза, приоткрывает рот — и замирает. Ни звука.

— Ты можешь спросить, — говорю я тихо, почти на выдохе. Хочется верить, что он просто ждал моего разрешения. Что именно это держало его все эти дни.

— Это из-за Майкла?

Словно щелчок — резкий, болезненный. Сердце сжимается, дыхание обрывается, и я прикрываю глаза, не в силах сразу ответить.

— Ты всё ещё... чувствуешь к нему что-то? — спрашивает он осторожно, но я слышу напряжение, слышу, как зреет боль в каждом слове.

Из груди вырывается судорожный выдох, почти всхлип.

— Всё сложнее.

Он кивает. Словно понимает. Но взгляд — обиженный, едва сдержанный — выдаёт внутреннюю бурю. В нём что-то вспыхивает. Он не злится вслух, нет — он терпит, гасит, тушит.

— Я знаю, ты хочешь помочь, — шепчу. — Но я не знаю, как. И... — голос предательски дрожит, — я сама не знаю, чего хочу.

— Адель, — он резко тянется и сжимает мою руку. Пальцы — тонкие, холодные, дрожащие. — Я бы никогда не причинил тебе боль. Я просто... я бы отдал всё, чтобы сделать тебя счастливой.

Я качаю головой. Это слишком. Я чувствую кожей то, что он собирается сказать и я к этому не готова.

— Тим...

— Нет. Подожди. Ты должна это услышать. — Он выпрямляется, делает глубокий вдох, сжимает и разжимает кулаки, будто собирая себя по частям, затем поднимает на меня взгляд — решительный, немного испуганный. — Я люблю тебя, Адель. Не как друга. Я полюбил тебя с той самой минуты, как ты появилась на пороге — испуганная, хрупкая, будто весь мир держался на тонком волоске. А потом появился Джорджи... и я полюбил его, как родного. Он стал частью меня. И всё, о чём я с тех пор мечтал — чтобы вы стали моей семьёй. Я не знал, что способен так сильно чего-то хотеть.

Тим замолкает. Глаза блестят от слёз, но он не мигает; лицо застыло, будто он боится, что следующее моё слово станет для него приговором.

Я сижу молча. Воздух становится липким, вязким. Сердце стучит так громко, что кажется заглушает шум телевизора.

— Тим... — наконец выдыхаю. — Я тоже люблю тебя. Ты самый добрый человек, которого я знаю. Но...

— Но ты всё ещё любишь его, — перебивает он. Тихо. Почти не дыша.

Я не отвечаю. В этой тишине рушится что-то важное. Не потому что он ошибся, а потому что он прав — но не так, как думает. Я не знаю, люблю ли я Майкла. Но я знаю другое: я не смогу быть рядом с кем-то другим. Не смогу выдумывать чувства. Не смогу лгать, даже если это будет безопаснее, легче, правильнее.

— Я готов ждать, — резко выдыхает Тим. — Сколько нужно. Просто скажи, что надежда есть.

— Тим... — я пытаюсь подобрать слова, но они рассыпаются. — Я благодарна тебе за всё. Ты был рядом, когда не было никого. Когда я падала — ты подставлял плечо. И я правда люблю тебя. Но не так.

— Не надо, — прерывает он, зажимая переносицу двумя пальцами. Его глаза сужаются, будто сам мой вид причиняет ему боль. — Просто... молчи, пожалуйста.

И я молчу. И в этой паузе он делает то, чего я меньше всего жду.

Он рывком тянется вперёд и целует меня. Внезапно. Грубо. Я замираю. Его губы — мягкие, солёные от слёз, но всё внутри кричит: нет, нет, нет, только не так!

— Тим, — пытаюсь сказать, но его рот всё ещё прижат к моему. Я упираюсь ладонями в его грудь, пытаюсь оттолкнуть. Он держит слишком крепко. Слишком. Паника захлёстывает, будто кто-то медленно выжимает из меня воздух. Свет тускнеет, дыхание сбивается. Всё внутри сжимается в крошечную, дрожащую точку.

Резкий взмах, и моя ладонь с силой врезается в его скулу. Звонкая пощёчина рассекает воздух.

Тим резко отстраняется, ошеломленно моргает, прижимая ладонь к щеке, где проступает алая полоса.

— Какого чёрта? — вырывается у меня.

Я смотрю на него, распираемая яростью и унижением. Он разрушил моё доверие в одно мгновение — без предупреждения.

— Что ты натворил? — вырывается у меня, голос срывается на крик.

— Что я натворил?! — он тоже повышает голос, в нём кричит злость, почти истерика.

Я вжимаюсь в спинку дивана, чувствуя, как сердце бьётся где-то в горле, пульс стучит в висках и скачет по вене на шее.

— Ты не подпускала меня к себе пять, чёрт возьми, лет! Я ждал! Терпел! Я тебе кто — тряпка? — выкрикивает Тим, по-прежнему держась за покрасневшую щеку. — Я думал, тебе нужно время. Думал: вот ты окрепнешь, придёшь в себя. А теперь что? Я приезжаю — а ты уже с другим? Это я виноват, да? Или ты просто всё это время использовала меня?

— Использовала?! — Я вскакиваю, голос дрожит от возмущения. — О чём ты вообще? Я ничего тебе не обещала! Никаких надежд, никаких планов, никаких “потом”! Это ты себе всё придумал! Не твоё дело, с кем я, одна или нет!

Тим замирает, в глазах — растерянность, словно только что до него дошло, что он натворил. Но внезапный рывок снова пугает меня: я вздрагиваю, вскакиваю на цыпочки, будто тело само отталкивается от пола. Он соскальзывает с дивана и опускается на колени — без слов, словно под тяжестью собственного отчаяния.

— Что ты... — я не успеваю закончить фразу, он уже ползёт ко мне, пытается ухватиться за край моей длинной рубашки. Я резко отшатываюсь.

— Чёрт, Адель, пожалуйста... — его голос сорван. — Прости меня. Я идиот. Я не знаю, что на меня нашло. Это было ошибкой. Я... я не хотел...

Я качаю головой, отступая ещё на шаг.

— Не подходи ко мне.

— Прошу... не делай этого. Не уходи.

— Вы все одинаковые, — шепчу я с таким отвращением, что самой становится страшно.

Я разворачиваюсь и иду к себе в комнату. За спиной — торопливые шаги: он поднимается и спешит следом. Я резко разворачиваюсь иставляю ладонь вперёд:

— Стой!

Он замирает.

Несколько секунд между нами повисает гнетущая тишина. Передо мной всё тот же Тим, знакомый до боли: глаза блестят слезами, губы искривлены разочарованием. Ему плохо, и, чёрт возьми, мне это небезразлично. Но сейчас этого недостаточно.

Я опускаю руку.

— Дай мне побыть одной.

— Да, конечно. Только прошу..

— Тим. Потом.

Я не даю ему договорить. Просто поворачиваюсь, захожу в комнату и плотно закрываю за собой дверь.

Пальцы дрожат, когда я тянусь к защёлке — щелчок звучит оглушительно, словно выстрел в тишине. Только теперь я позволяю себе вдохнуть по-настоящему.

Прислонившись к двери спиной и, будто лишившись опоры, медленно сползаю вниз, пока не оказываюсь на полу, сжав руками колени. Комната кажется слишком тихой, воздух — густым, будто наполнен чем-то невыносимо тяжелым.

Медленно, секунда за секундой, давящее осознание захлёстывает мои больные нервы. Я прокручиваю в голове тот момент, когда Тим прикоснулся к моим губам — и всё во мне сжимается. Перед глазами вспыхивает сцена вновь и вновь, будто кто-то проецирует её на внутреннюю стенку моего черепа, с яркостью, от которой невозможно спрятаться. Я слишком живо помню, что почувствовала. Слишком явственно. Нужно быть мёртвой, чтобы не ощутить этого каждой клеткой кожи.

Я не хочу больше чувствовать чужие губы на своих.

Потому что есть одни — единственные — и память о них прожигает меня изнутри. Я вспоминаю, как Майкл касался меня: с той точной, разрывающей нежностью, которая доводила до слёз. Как скользил по моей коже, оставляя за собой разгорячённые следы. Его губы... чёрт. Они были волшебной границей между болью и забвением. Одного взгляда хватало, чтобы внутри всё взвыло и захотело — его, только его, несмотря ни на что.

Я обхватываю себя руками, сжав бёдра, будто пытаюсь удержать внутри нарастающее давление. Всё тело дрожит, вспоминая его прикосновения, голос, тяжесть его дыхания у самого уха. Желание затопляет.

Эти мысли снова и снова бьют по мне изнутри, уродуя и без того кровоточащее сердце.

Рука непроизвольно скользит под пижамные штаны, и я уже не могу остановиться. Желание овладевает мной — как сила, которой невозможно противостоять. Я прокручиваю в голове сцены — не фантазии, а воспоминания. То, как он целовал. Как зажигал всё тело одним касанием. Как владел мной — забвенно, но так желанно. А я была готова отдать всё, лишь бы получить то, что он был готов предложить.

Мои пальцы делают то, чему научил меня он. Всё внутри отзывается на лёгкие касания. Я представляю, что это он — только он — делает всё это со мной. Только Майкл умеет так. Будто он знал моё тело лучше меня, будто оно было создано под него.

Я кончаю быстро. Захлёбываясь воспоминаниями, ощущениями, фантомным весом его тела надо мной. И в эту секунду мне кажется — он здесь. Будто я снова с ним.

Опустошение и отвращение к себе приходят не сразу. Они не как взрыв, а как стыдливое эхо после вспышки света. Словно в комнате кто-то незримый приподнял покрывало и ткнул пальцем: «Вот она. Вот, что она сделала». Я лежала, не двигаясь, позволив мыслям стекать внутрь, как дождь по оконному стеклу.

Мне не следовало позволять этим воспоминаниям вспыхнуть с такой силой. Не следовало звать его — даже мысленно.

Когда я, сжавшись, рухнула устало на подушки, я отдалась не физическому воспоминанию, а его тени. Тени, от которой до сих пор пахло кожей и потом.

Это был акт отчаяния, признания, молитвы и капитуляции — всё в одном.

Конец пришёл внезапно — быстрый, как падение. И за ним, сразу, — пустота. Безмолвная, глухая, будто что-то внутри меня хрустнуло и теперь лежало на полу.

Стыд — липкий и прозрачный — обволакивал с ног до головы.

Я отвернулась, будто могла от себя сбежать.

Я заснула позже, но это не был сон.

Это была череда чернильных пятен. Кошмаров, выцветших из реальности.

Во снах они — Майкл, его семья — были существами из какой-то другой плоти. Слишком бледной, слишком мягкой. Их лица расплывались, превращались в пасти. Они звали Джорджи. Тянули ко мне руки, больше похожие на корни.

Я просыпалась с рваным дыханием, с ощущением, что кто-то только что стоял у кровати и ушёл.

Когда утро наконец вползло в комнату, она выглядела чужой. Ледяной свет скользнул по стенам, первые лучи рассвета сильно обожгли глаза. Поднимаясь с постели, кажется ещё несколько долгих минут я не совсем понимаю, где нахожусь. На часах — ещё нет семи.

Мне срочно нужно было выйти. Прогуляться. Вдохнуть утренний воздух, отогнать остатки кошмаров, ещё живущих где-то между лопатками.

Сварив себе кофе, я на цыпочках прошла в прихожую, накинула тёплое пальто, небрежно обмотала шарф и проскользнула наружу, стараясь не разбудить Тима. Я уже не злилась на него — но говорить пока не могла.

Снаружи утро было хмурым: тяжёлое серое небо время от времени пропускало узкие лучи света, которые падали на веранду, размывая её границы. Порывы ветра трепали листву,

шум стоял, будто море бьётся о берег. Я поёжилась, но холод пошёл на пользу — тело будто очнулось, и даже кофе вдруг стал не так уж необходим.

Я пошла по направлению к лесной тропинке, удерживая в руках кружку, — ветер тут же попытался вырвать её из пальцев. Шарф съехал с плеч, и, прежде чем я успела его поймать, на него расплескался почти весь кофе.

— Чёрт... чёрт, — вырвалось у меня, и я присела на корточки, подбирая мокрую ткань, теперь неприятного рыжевато-коричневого оттенка.

— У меня есть отличное средство — отстирает в два счёта, — раздалось откуда-то сбоку.

Я подняла голову. Передо мной стояла Марина. Всё с той же добродушной улыбкой и с теми же бездонными, почти прозрачными серыми глазами, в которых трудно было что-то считать.

— Доброе утро, — кивнула я, сжав губы от досады.

— Не спится? — мягко спросила она, делая шаг ближе.

Я едва заметно кивнула.

Мариана подошла и протянула мне руку. Я позволила ей помочь. У меня не осталось ни сил, ни воли что-то объяснять — я просто встала и пошла за ней, как под гипнозом.

Её дом был тихим и тёплым. В нём пахло постиранным бельём, старым деревом и чем-то уютным, вроде засахаренного варенья. Комнаты были маленькие, но аккуратные, с пледами, сложенными на подлокотниках, и цветами в горшках на подоконниках. Повсюду стояли мелочи, собранные за долгие годы: статуэтки, рамки, кружевные салфетки — всё дышало памятью и прожитой жизнью.

Я опустилась в кресло, растянулась в нём, будто меня кто-то выключил. Через окно я посмотрела на дом родителей — наш дом — и вдруг осознала, что никогда не смотрела на него с этой стороны. Снаружи он казался чужим. Немым. Обиженным.

— Держи, — тонкая рука с кружкой кофе возникла перед моим лицом, как из воздуха.

— Спасибо, — пробормотала я.

Тепло обожгло пальцы.

Мариана присела напротив и внимательно посмотрела на меня. Она ничего не спрашивала — просто наблюдала.

И почему-то от этого взгляда мне стало легче. Уютно. Хорошо просто сидеть рядом, молча, не объясняясь. Я чувствовала, как из меня уходит напряжение, как дыхание становится ровнее.

— Тебе бы поспать, деточка, — тихо произнесла она.

— Невиданная роскошь, — усмехнулась я, отпивая кофе из кружки. Он, не сильно отличался по вкусу от моего паршивого домашнего.

— Что-то беспокоит?

Я лишь едва заметно кивнула, не ответив.

— Поделись. Я знаю, как тяжело держать всё в себе.

— Вам это не нужно.

— Ты мне как дочь. А кому ещё это может быть нужно сильнее, чем мне? — Она откинулась в кресло, словно сказала самую обыденную вещь.

Её руки потянулись к пледу, сложенному на подлокотнике. Расправив его, она мягко укрыла меня — так, как умеют только матери, которые без слов чувствуют, когда их детям холодно.

Я не знаю, что именно сломало во мне защиту. Этот жест. Или она сама. Или всё вместе. Но я заговорила.

Выпала всё — как на духу. Без стеснения. Без страха быть осуждённой. Без злости. Просто рассказала, как если бы говорила самой себе.

Мариана слушала молча. Не перебивала. Иногда её губы поджимались — разочарованно или сдержанно. Но в её взгляде не было жалости. Только тёплое, терпеливое внимание.

Она кивала — не из вежливости, не из сочувствия, а так, словно эти слова не упали в пустоту. Словно она не просто слушала, а принимала в себя мою боль.

И, может быть, именно это — быть услышанной без оценки, без испуга, без жалости — было тем, что мне так давно не хватало.

Когда я закончила, Мариана долго сидела молча, разглядывая меня. Затем, наделяя каким-то странным, почти материнским спокойствием каждое слово, тихо спросила:

— Так значит, ты здесь прячешься?

Я ожидала чего угодно после всего, что вывалила на неё — слёз, сочувствия, советов, — но только не этого. Растерянно смотрю на неё, потом слабо киваю и шепчу:

— Я не знаю, что мне делать... Я столько всего натворила. А все вокруг мне говорят...

— Стоп. — Она резко вскидывает руку, её взгляд становится твёрже. — Девочка моя. Что ты натворила? Ты всё делала правильно. Всё. Потому что делала так, как могла в тот момент. А это — и есть единственный правильный путь.

Она наклоняется вперёд, оперевшись локтями на колени.

— Никто, слышишь? Никто — ни сестра, ни друзья, ни я — не имеет права решать за тебя. Только ты знаешь, что для тебя верно. Ты уже прошла через такое, что другим не снилось, но до сих пор не видишь, насколько ты сильная. Ты держишь в себе столько вины, будто обязана быть идеальной. А ты — не обязана. Ты просто должна быть живой. Настоящей. Любить себя. Обождать, ценить. За каждое своё «нет». За каждое решение. За то, что не сломалась. За то, что продолжаешь идти.

— Но мне помогли... да и я... — начинаю я тихо.

— О, нет. — Она усмехается и, приподняв очки, устало трет пальцами переносицу и уголки глаз. — Если бы всё дело было в помощи, я бы уже давно стала как ты. Но ты сама себя такой сделала. Думаешь, Джорджи светлый и добрый мальчик просто по природе? Нет, милая. Он именно такой, потому что у него есть ты. Потому что он смотрит на тебя. Потому что ты показала ему, что значит любовь.

Она замолкает на секунду, потом снова говорит — мягко, но безжалостно.

— А теперь послушай: не важно, что сделал Майкл, и кто тебе что говорит. Всё, что по-настоящему важно — как ты относишься к себе. Кого ты хочешь прощать, кого — нет. Ты никому ничего не должна. Боишься их? Да кого тебе бояться после всего, через что ты прошла? Это они должны бояться тебя.

Её ладони снова расправляют плед на моих коленях.

— Прекрати прятаться. Живи, девочка. Живи так, как хочешь. Ты у себя одна. Но так же не забывай, что у тебя есть я. И я всегда напому, кто ты есть.

Я вышла от Марианы на ватных ногах. Голова гудела. Мысли толпились, пульсировали, как будто я выпила лишнего. Но в этом было что-то освобождающее. Она была права. Как никто другой.

— Эй, — донёсся хриплый голос, когда я приоткрыла дверь в гостиную. — Я тебя потерял?

— Заходила к Мариане, — ответила я глухо.

Тим поднялся с дивана и подошёл ближе. Его взгляд был осторожным:

— Адель, я... хотел...

- Тим, — я смотрю на него убийственно спокойно, и, кажется, это вводит его в ступор.
- Я не злюсь, на тебя. Но я хочу, чтобы мы забыли всё, что произошло вчера. Навсегда.
- Тим замирает, обдумывая мои слова, и после короткой паузы едва заметно кивает.
- А сейчас я хочу собрать вещи и написать Ане, что мы возвращаемся домой.

Глава 7

Позавтракав и в последний раз прогулявшись к реке, мы с Тимом молча собрали вещи. Он арендовал чёрную машину с тускло поблёскивающим капотом и салоном, пропитанным затхлой смесью кофе, дешёвого одеколона — будто в нём когда-то часами разговаривали незнакомцы, разминая в пальцах бумажные упаковки от сендвичей с подгоревшим беконом. Не знаю, почему именно такая картина возникла в голове, стоило лишь опуститься в кресло.

Мы молча загрузили сумки в багажник и выехали — медленно, будто остатки ночных снов ещё не рассеялись и продолжали давить на плечи. Тим вёл машину, а я рассеянно смотрела в окно. Потом он начал говорить — тихо, спокойно, без нажима, словно обращаясь не ко мне, а в пространство между нами: в прозрачный утренний воздух, в туман над дорогой, в поля, медленно плывущие за стеклом. Он рассказывал о пустяках — как однажды случайно заперся в кладовке, заговорившись с заказчиком, и просидел там полчаса, пока его не освободил странный сосед, тот самый, что постоянно шляется возле квартиры, будто вынюхивая чужие секреты. И всё же — именно он его тогда и спас. О сериалах, которые он пересматривал вечерами в одиночестве. О каких-то мелочах, которые, казалось, мы обсуждали уже сотни раз, но звучало всё так, словно — впервые.

Я слушала. Без слов. С той усталой благодарностью, что возникает, когда тишина наконец-то перестаёт быть глухой и гнетущей. Когда кто-то просто говорит — не требуя ответа, не ожидая реакции. И эта речь — как ровный гул мотора — успокаивала. Не тем, что в ней содержалось, а тем, что в ней не содержалось: ни упреков, ни вопросов, ни советов. Просто звук. Просто живое присутствие.

Между нами всё ещё оставалось что-то невыговоренное, тугое, как натянутая струна. Я знала: оно всплывёт, позже. Но сейчас — всё казалось терпимым. Он не давил, не расспрашивал, не подталкивал. Был рядом — по-своему, как умел только он. Без условий. Без ожиданий. Как будто даже если бы мир рухнул, рядом с ним я всё равно могла бы сидеть вот так — и слушать его рассказы ни о чём, ощущая странное, почти благоговейное спокойствие.

Время в дороге будто слиплось в один расплывчатый отрезок, как плёнка, перемотанная на удвоенной скорости. Ещё минуту назад мы выехали, и вот уже, спустя четыре с половиной часа, сворачиваем за знакомый угол к дому, где жили: Ана, Джорджи и я. Оквуд лежал южнее, и здесь, казалось, никто не слышал о зиме. Люди проходили мимо в лёгких куртках, полуденное солнце пробивалось сквозь облака, мягко разливаясь по асфальту, будто ничего не изменилось. Будто жизнь продолжала идти своим чередом — не надломилась, не застыла в той точке, где всё пошло под откос чуть меньше месяца назад.

Но один человек полностью стёр это ощущение.

Возле самого входа в дом, припаркованная вплотную к бордюру, стояла машина — дорогая, чёрная, с глянцевым кузовом и безукоризненно отполированными дисками. Та самая, всегда новая, чистая, как будто сошла с витрины — похожая на сотни других, и всё же я узнала её сразу. Не по вмятинам или царапинам, которых не было, а по ощущению.

У двери, оперевшись спиной о машину, стоял Майкл. Боком ко мне, ссутулившийся, с поникшими плечами — словно без этой опоры он бы просто рухнул. Его волосы отросли и сбились в пряди у висков, щетина лежала плотной тенью, почти скрывая скулы. Он выглядел иначе, но я не могла понять, в чём именно перемена. Будто его потушили изнутри — тихо, медленно, до тлеющего остатка.

Я смотрела, не дыша, и, вероятно, всё, что творилось у меня в голове, отразилось на лице — потому что Тим резко притормозил. Машина дёрнулась, будто споткнулась на ровной дороге. Меня резко повело вперёд, и ремень безопасности болезненно врезался в плечо.

— Ты в порядке? — он уловил мой взгляд и проследил за ним. Этого было достаточно, чтобы в ту же секунду он спросил: — Это он?

Я едва заметно кивнула.

— Хочешь, мы уедем?

Я отрицательно покачала головой.

— Что мне делать?

Я посмотрела на него. Его глаза метались по моему лицу, будто искали там инструкции, которые я не могла дать.

— Я разберусь, — выдохнула я.

Сделав глубокий вдох, я потянулась за дорожной сумкой и, открыв дверь машины, медленно вышла. Каждый шаг, как бы я ни старалась поставить ступню твёрдо, всё равно норовил сбиться, словно я шла по вязкому сиропу — густому, тянущему, замедляющему каждый мой жест. Дрожь проходила по всему телу — от коленей до кончиков пальцев, поднимаясь к горлу. Я пыталась дышать по схеме: вдох на четыре, задержка, выдох, снова задержка. Повторяла, снова и снова. Бестолку.

Когда Майкл услышал шаги, он обернулся. Его взгляд заметался, будто он не верил, что я стою перед ним. В глазах не осталось ни гнева, ни надежды — лишь болезненная, глухая пустота.

Оттолкнувшись от машины, он медленно пошёл ко мне — осторожно, словно каждый шаг давался с трудом. Я смотрела прямо на него и одновременно сквозь: его взгляд был слишком тяжёлым, я не могла выдержать его. В голове снова и снова всплывали слова Марианы: только ты знаешь, как правильно для тебя. Никто другой. Даже он.

— Адель, — выдохнул Майкл, остановившись в нескольких шагах.

— Майкл, — кивнула я, стараясь держаться ровно. Но в этой собранности было слишком много усилия, слишком явное притворство.

Теперь, вблизи, я заметила тёмные круги под его глазами — они только сильнее подчёркивали потускневшую голубизну зрачков. Щёки впали, и скулы проступали резче, даже сквозь щетину. Чёрная футболка и джинсы висели на нём свободно, подрагивая от лёгкого ветра. Он вздрогнул, кожа покрылась мурашками, словно его внезапно окатило холодом.

— Ты похудела, — тихо сказал он.

Я промолчала.

— Мы можем поговорить?

— Я не думаю, что готова к этому. Да и... не вижу, что тут обсуждать.

— Есть что. — Он стиснул челюсть. — Если хоть что-то из сказанного тобой тогда имело значение, просто выслушай.

— Я уже слушала. И знаю: ты не скажешь ничего нового.

— Тогда как думаешь, зачем я здесь?

— Я не знаю. Это твоё решение, не моё.

— Только не начинай говорить чужими фразами, — его голос дрогнул, но взгляд оставался жёстким. — Этим тоном... пренебрежительным, будто ты выше всего. — Он резко провёл ладонью по лицу, будто хотел стереть раздражение, но лишь сильнее подчеркнул бессилие.

— Если тебе неприятно это слушать — уходи. Я тебя не держу.

— Чёрт возьми, Адель, хватит вести себя как ребёнок, — голос его был хриплым, до боли уставшим.

— Ребёнок? — повторила я медленно.

Его взгляд беспокойно скользит по моему лицу. Я щурюсь, пытаюсь уловить хоть искру, но встречаю лишь тусклую красоту, утонувшую в пустоте. Он смотрит так, будто пытается вырезать в памяти каждый штрих. Делает шаг — и его запах наваливается на меня тяжёлой,

резкой волной. Я замираю, задерживаю дыхание, машинально выставяя руку перед ним: ещё шаг — и я не выдержу. Я знаю это.

— Не надо. Не подходи.

Майкл замирает.

— Весь этот чёртов месяц я не мог с тобой связаться. Ты просто исчезла. Будто ничего не было. Ты сказала, что любишь меня. Эти слова вообще хоть что-то значили? При первой трудности они для тебя — пустой звук? — его брови сходятся на переносице, и в голосе слышна растерянность, будто он и правда не понимал.

— О, нет. Нет, Майкл. — Злость мгновенно поднимается во мне. — Ты не будешь снова играть со мной. Не смей. Я была искренней. Ты предал моё доверие — не я отказалась от тебя. И я больше не собираюсь это доказывать.

— Прошу тебя, Адель, ты разрушаешь всё, что я пытаюсь удержать, — разводит руками он.

Эти слова будто обжигают меня изнутри — не болью, а яростью. Он не имеет права. Не после всего. Он говорит так, словно мои страхи — каприз. Словно всё надумано. Словно это просто моя чертова истерика.

А ведь именно сейчас я не знаю даже, чему верить. Всё распалось: где правда, где ложь — уже не различимо. Будто мир превратился в цифровую иллюзию — нули, единицы, и я застряла между ними, тщетно угадывая: да или нет. Но не выходит. Он сбил мои ориентиры, лишил отправных точек. И теперь ещё осмеливается говорить всё это?

— Да как ты посмел?! — слёзы обжигают глаза. — Как у тебя язык поворачивается? Ты предал всё, что я тебе отдала. Я подарила тебе последние крохи доверия, что у меня были...

— Адель, твоё доверие — это твоя ответственность. Я никогда не хотел его разрушить, — перебивает он.

— Значит, я просто обманулась? — голос срывается. — Вот и всё? То, что ты клялся хранить, оказалось моей иллюзией? — я горько хмыкаю. — Хотя, знаешь, ты прав. Ошибка действительно была моей: я поверила не тому человеку, который даже не способен признать вину.

Мои руки дрожат. В горле — спазм. Глаза полны слёз. Я запрокидываю голову, уставившись в серо-голубое небо, будто ища там хоть каплю воздуха.

— Я не предавал твоего доверия, родная, — тяжело выдыхает Майкл. Я перевожу взгляд и вижу, как он медленно качает головой.

— Не называй меня так, — шиплю сквозь зубы. — Если бы я была тебе родной, ты бы не скрывал от меня всё это.

— Прости меня, — шепчет он, и глаза его становятся стеклянными, наполняясь слезами. Мы стоим молча. Затем он протягивает мне папку, которую всё это время сжимал в руке.

— Здесь всё, — голос у него хриплый.

— Что это?

— Доказательства. Этого достаточно, чтобы посадить его. Я помогу тебе, если только попросишь.

— Посадить? — повторяю, не веря.

— Да. Он это заслужил.

Во мне поднимается очередная волна боли и ярости.

— Ты, должно быть, шутишь, — короткий, нервный смешок срывается с губ. — Посадить?

— Да о чём ты, чёрт возьми?! — взрывается он. — Я привёз это тебе, чтобы ты могла наказать тех, кто причинил тебе столько боли. Хочешь — накажи и меня. Посади, растопчи. Делай что угодно. Я просто... я хочу справедливости. Для тебя.

— Это ты называешь справедливостью?

— Адель, я не спал, не знаю сколько дней. У меня всё в голове кипит, я теряю контроль...

— А ты думал, что будет с Джорджи, если я решусь всё это обнародовать? — резко перебиваю. — Будет суд. Громкий. Грязный. Ты понимаешь, что это значит для нас? Для него? Ты хочешь, чтобы он всю жизнь слышал за спиной: «вот он, тот самый мальчик»? Ребенок изнасилования. На него будут тыкать пальцем. Или — что ещё хуже — жалеть. Смотреть не как на обычного ребёнка, а как на жертву. Ты правда думаешь, что ему это нужно? Что он справится? Что это его не сломает?

Он молча смотрит на меня, а я продолжаю:

— Ты правда не подумал, что вся эта «справедливость» — лишь пустое слово? Что, твой отец снова купит всех — суд, судью, присяжных, — а брат продолжит жить, как жил, а мы... мы опять будем вынуждены бежать? Прятаться? Так ты это себе представляешь?

— Я...

— Мне ничего не нужно. Ни от тебя. Ни от твоей семьи, — выдыхаю я сквозь слёзы, чувствуя, как тело вот-вот задрожит.

Я слышу позади тихие шаги — ладонь Тима ложится мне на спину; он делает шаг вперёд, становясь рядом.

— Тебе лучше уйти, — тихо произносит Тим.

Взгляд Майкла мечется между моим лицом и лицом Тима. Я замираю, не в силах двинуться или произнести хоть слово.

Мы стоим напротив, словно время застыло. В глазах Майкла — буря: он прожигает взглядом Тима, его руку, вцепившуюся в мою талию.

Напряжение вибрирует в воздухе. Я слышу, как стучит его пульс — будто отдаётся в моём собственном теле.

Резкое ругательство срывается с его губ. Шаг. Твёрдый.

И вот его пальцы касаются моей ладони, обжигая кожу. Он вкладывает в неё папку.

— Сама решай, что с этим делать, — губы сжаты в тонкую линию.

Он разворачивается, но у машины останавливается, оборачивается:

— Твоё благополучие и счастье для меня важнее всего на свете. Ты должна знать это. Несмотря ни на что.

Дверь хлопает, мотор взывает, ударяя о перепонки. Машина рвётся вперёд, оставляя за собой облако пыли и гул, который ещё долго держится в воздухе.

Я всё смотрю на свет фар, пока они не исчезают за поворотом. Слёзы катятся сами, и всё, что остаётся внутри, — желание поверить.

— Адель, ты в порядке? — раздаётся за спиной.

— Нет, — я сбрасываю руку Тима со своей талии и, не оглядываясь, иду к дому, стирая мокрые дорожки с лица.

— Прости, — виновато произносит он. — Я думал, что помогаю. Если бы он увидел тебя с другим мужчиной... я решил, ему будет проще отпустить.

Я оборачиваюсь, голос усталый, без злости, но и без тепла:

— Так не делают, Тим. Не спросив.

Он опускает глаза.

— Знаю. Прости.

Слабый стук в дверь возвращает меня в реальность.

— Адель, мы дома! — голос Аны звучит так радостно, что в груди щемит.

— Я в душе, сейчас выйду! — отвечаю, стараясь скрыть дрожь в голосе.

Я встаю под ледяные струи, надеясь, что холод хоть чуть приглушит бурю внутри. Пальцы судорожно трут кожу — будто можно смыть ту грязь, которую я почти физически ощущаю на

себе. Перед глазами вновь вспыхивают образы из этой проклятой папки. Не стоило её открывать. Теперь я сама себе отвратительна.

Холод вливается в кости, пока не начинает вытеснять дрожь. Постепенно истерика отступает, оставляя после себя только тихую, мёртвую усталость. Подняв глаза к зеркалу, я замечаю: лицо уже не выдаёт недавний срыв.

Я накидываю одежду, быстро подсушиваю волосы. Глубокий вдох — и тянусь к дверной ручке.

— Мамочка! — звонкий голос Джорджи режет тишину.

Он несётся ко мне с сияющей улыбкой и распахнутыми руками. Я опускаюсь на колени, и его горячие ладони обвивают меня за шею.

— Ты не представляешь, как было здорово! — тараторит он. — Сегодня выставка! Мои рисунки повесили на стену, и все сказали, что они самые красивые!

Я улыбаюсь, чувствуя, как моментально становится легче дышать.

— Конечно, самые красивые, — шепчу, глядя в его сияющие глаза. — У тебя талант, Джорджи, самый настоящий.

Он рассказывает всё разом — про детей, воспитателей, мальчика, который пытался срисовать его работу. Его восторг заразителен, и я ловлю себя на том, что слушаю, не перебивая. Мне важно не пропустить ни слова.

Мы ужинали все вместе: Ана, Тим, Джорджи и я. В комнате витал запах еды, вплетался смех сына и Тима, лёгкие, уже такие привычные подколки Аны — самые обычные звуки, которые вдруг показались мне драгоценными. Джорджи с аппетитом ковырялся вилкой в пасте; щёки у него разругались, будто после мороза, а глаза сияли радостным блеском. Я поймала себя на мысли, что просто смотрю на него, будто стараясь наверстать время, когда его не было рядом. Воздух вокруг меня на миг словно ожил.

Уложив Джорджи, я вернулась на кухню за стаканом воды. Квартира погрузилась в вязкую тишину: часы мерно тикали на стене, где-то вдалеке глухо потрескивали трубы. Эта тишина, казалось, обволакивала, удерживала дыхание, пока её не нарушили лёгкие шаги за спиной. Я вздрогнула, обернулась — и увидела Ану. Она стояла в дверях, скрестив руки, взгляд её был настороженным.

— Ты в порядке? — спросила она негромко.

— Я не знаю, — ответ прозвучал почти шёпотом.

Она подошла ближе.

— Ты виделась с Майклом?

Я кивнула.

— И?

— Он передал мне документы. Фотографии. Всё, с чем можно идти в полицию. — Я едва справилась что бы удержала голос от дрожи.

— Разве это не то, чего ты ждала? — Ана чуть склонила голову, её взгляд был прямым, почти испытующим.

Я вскинула брови и уставилась на неё:

— Я не стану на это отвечать.

— Адель, только не включай драму-квин, — сказала она с тем самым тоном, в котором ирония всегда граничила с раздражением.

— Не перегибай, — отрезала я резко, почти шипя.

Мы замолчали. Воздух между нами натянулся, будто металлическая струна.

— Прости, — произнесла Ана, поджав губы. В этом «прости» слышалась вся её вечная неуклюжесть — она всегда говорила лишнее, а потом пыталась сгладить. — Просто я не понимаю, чего ты от него ждёшь.

— Чтобы он оставил меня в покое.

— Это ложь, — она усмехнулась, качнув головой. — Самая настоящая.

Я не стала отвечать — лишь поднесла стакан к губам и сделала несколько медленных глотков, чувствуя, как прохлада воды смягчает пересохшее горло.

— Подумай сама, — сказала я тихо. — Эти бумаги — когда они попадут в суд. Ты понимаешь, что это сделает с твоим племянником?

Ана смотрела на меня так, будто перебирала каждое сказанное мной слово внутри себя, пробуя его на вкус.

— Получается, этот урод никогда не ответит за то, что сделал?

— Получается...

Пауза затянулась.

— Спокойной ночи, — хрипло произнесла я и, не дожидаясь ответа, прошла мимо.

В комнате сумка так и лежала на кровати, нетронутая, а рядом — папка. Такая тяжёлая, мрачная, будто внутри неё — все что я так сильно презираю в себе. Я с размаху запихнула её в ящик стола, спрятала вглубь, словно в могилу. Это мой выбор и я буду нести это бремя до конца своей жизни, ради сына.

Глава 8

Выходные прошли так удивительно спокойно, что я почти поверила, будто мне действительно удалось вырваться из тревожного круга и хотя бы ненадолго забыть обо всём. К нам приехала Кейт, и мы проводили время, словно настоящая семья: много гуляли, готовили вместе, смеялись за одним столом. Джорджи светился счастьем, наслаждаясь людьми, которые нас окружали. Казалось, ему всегда было слишком мало одной меня. Мы даже устроили небольшой пленэр прямо во дворе, собирая на себе любопытные взгляды соседей.

Утром мандраж оказался сильнее аппетита — я отказалась не только от завтрака, но и от крепкого кофе. Казалось, стоит сунуть в рот хоть кусочек, и меня вывернет.

В зеркале — бледное отражение: тонкий слой туши, лёгкие тени и румяна, едва скрывающие усталость. За этот месяц я сильно похудела: чёрное классическое платье висело мешковато, а взгляд стал тяжелее, настороженно-тёмным.

Поправив волосы, я глубоко вдохнула, пытаюсь успокоить покалывание в груди. Вдох. Выдох. Сегодня — первый день после перерыва. Первый день после Майкла.

Дверь со стуком приоткрылась, и в комнату вошёл Тим, лениво прислонившись к косяку.

— Ты выглядишь... хорошо, — сказал он после короткой паузы, вглядываясь в меня.

Я криво усмехнулась, глядя на него через отражение в зеркале.

— Хотел сказать, что лучше, чем пару недель назад?

Он пожал плечами, подходя ближе.

— Ну... если честно, ещё неделю назад ты выглядела так, будто не спала год. А теперь просто немного уставшая.

Я тихо фыркнула, качнув головой.

— Ты готова?

— Готова ли я? — короткий смешок прозвучал глухо, будто скрипнул.

Он сделал несколько шагов и остановился рядом, положив руку мне на плечо.

— Ты справишься, — произнёс Тим без тени сомнения. Его прикосновение не вызвало во мне скованности — напротив, стало удивительно спокойно.

— Надеюсь, — ответила я тихо.

— Ты знаешь... несмотря на всё, что было между нами, — он чуть замялся, — я люблю тебя. И всегда поддержу. Звони мне в любое время.

— Знаю, Тим, — я нервно улыбнулась. — И я тебя люблю.

— Послушай, — его голос стал ещё мягче, — если вдруг станет плохо или захочешь поговорить — просто звони. Я серьёзно. Сегодня весь день не выпущу телефон из рук.

Я кивнула и закинула в сумку блокнот, ручки и прочие офисные принадлежности. Потянулась за телефоном, но лёгкий стук в дверь отвлёк меня.

В проёме показалась Ана, за её спиной — нетерпеливый Джорджи.

— Да, иду, — сказала я.

На выходе из комнаты я всё же обернулась к Тиму. Несмело протянула руку и сжала его ладонь.

— Спасибо, — выдохнула я почти шёпотом.

— Всегда, — ответил он так же тихо и едва заметно кивнул.

Я всё ещё не понимала, где проходят наши границы, но знала: пока нуждаюсь в его поддержке и готова принимать её, даже если это эгоистично. Только они — Тим, Ана, Кейт и Джорджи — позволяют мне держаться на плаву.

— Давай, босс, покажи им, что ты вернулась, — улыбнулся он.

Выходя из дома, я приоткрыла дверь и придержала Джорджи за плечо, оглядывая аллею перед входом. Пусто. Машины Майкла не было — и облегчение пронеслось по телу горячей волной. Я знала: ещё одной стычки с ним я бы не выдержала. Все выходные я выходила на улицу как невротик, озираясь по сторонам, чувствуя на коже фантом его взгляда — тяжёлого, прожигающего.

Пальцы машинально нащупали в сумке пластиковый ключ. Я подняла глаза и остановилась, заметив её — машину, покрытую пылью, всё ещё стоящую на парковке. Мою машину. Точнее, его подарок.

Почему он её не забрал?

Мысли кружили, как вороньё над полем: он мог бы увезти её в любую минуту, но не сделал этого.

Я смотрела на вишнёвый металл, изогнутый в плавные линии корпуса, и чувствовала, как во мне сталкиваются две противоположности: унижение и упрямство. Гордость рвалась крикнуть: «Мне от них ничего не нужно!» — но другая, более трезвая часть меня холодно отвечала: «Разве эта семья не задолжала мне?»

Принципы. Что это вообще за странное слово, которым так любят размахивать? Я часто думаю, что принципы нужны лишь тем, кто может позволить себе роскошь жить красиво, правильно, с выверенной моралью. Для остальных это просто камень на шее. И всё же я не могу назвать себя человеком без принципов — я просто научилась выбирать, за что стоит держаться, а что можно отложить ради выживания. Иногда упрямо цепляться за «правильное» значит лишь добровольно отказаться от права на будущее.

И, глядя на вишнёвую красавицу, я вдруг поняла: дело не в гордости и не в принципах. Всё это давно стало для меня бесполезной валютой. Я это заслужила.

Припарковав машину, я на секунду задержалась, глядя в зеркало заднего вида. Моё отражение казалось чужим — усталое, сосредоточенное, почти непроницаемое. Я глубоко вздохнула: ладно, я справлюсь.

Стараясь идти уверенно, я направилась к главному входу. Пока рылась в сумке, вытаскивая пропуск, заметила на себе взгляд охранника. Он ничего не сказал, но в его пристальном молчании было что-тостораживающее. Турникет пискнул, впуская меня внутрь. Всё здесь казалось одновременно знакомым и чужим, словно меня не было не месяц — а целый год, или даже дольше.

У лифтов, как всегда по утрам, толпились люди, торопясь к своим кабинетам. И среди десятков безликих фигур один силуэт сразу выхватился из общей массы. Широкая спина, лёгкий наклон плеч — я узнала его мгновенно, ещё прежде, чем увидела лицо. Майкл стоял, смотря прямо перед собой, словно вокруг не было ни единой души. Я не видела его глаз, но даже издали замечала перемены: волосы снова подстрижены и уложены в его беспорядочном, нарочито небрежном стиле, борода исчезла, оставив лишь тень свежей щетины. Он выглядел всё так же немного ссутулившимся, словно его тело едва держало собственный вес без опоры.

— Адель! — резкий оклик заставил меня дёрнуться. Майкл тоже услышал его и обернулся.

Наши взгляды столкнулись — и время словно споткнулось. Я застыла, и он тоже. Между нами растянулась звенящая пустота, тяжёлая, как тишина после грома. Ни тени чувства — только тягучая безнадёжность, манящая утопить в себе, словно трясина.

— Адель! — голос снова прорезал воздух. Я обернулась.

У турникетов стоял Тим, махая рукой, в которой блестел чёрный предмет.

— Ты забыла телефон дома, — громко сказал он.

На несколько секунд в холле стало невыносимо душно — будто воздух сгустился и натянулся, как электрическая ткань, и каждый взгляд обратился ко мне. Я снова встретила глазами с Майклом. Его взгляд уже был другим: удивлённым, злым. Он услышал. Услышал именно то, что хотел. И теперь, вероятно, уверен — мы с Тимом живём вместе. Как пара.

Должно ли это меня волновать?

Я медленно развернулась, стараясь не замечать ни шёпотов, ни чужих глаз, и пошла навстречу другу.

— Ты забыла телефон, — запыхавшись, повторил Тим, подбегая и протягивая его.

— Даже не заметила.

— Он лежал на столе.

— Ты бежал?

— Да. Боялся не успеть. Звонил Кейт, но она не ответила. А потом увидел тебя у входа.

— Спасибо, — коротко кивнула я.

— Конечно. Я наберу тебя позже.

Он улыбнулся и зашагал прочь. Я оглянулась: холл уже вернулся к привычному ритму, люди разбрелись по своим делам. Майкла среди них не было.

В кабинете первым, что бросилось в глаза, был букет. Персиковые розы, мой любимый оттенок. Записки рядом не было, но я сразу поняла, от кого они.

Схватив цветы, я резким движением швырнула их в корзину для использованных бумаг. Несколько бутонов бессильно склонились на край. Я задержала взгляд, и на миг мне показалось: цветы ведь не виноваты. Они слишком красивые, чтобы так с ними обращаться. Но мысль оборвал короткий сигнал телефона.

— Да, — ответила я, не взглянув на экран.

— Привет, подруга, — в трубке громко зазвенел голос Кейт.

— Привет.

— Как ты? Как тебе цветы?

— Цветы?... — я смутилась, бросив взгляд на корзину, откуда торчали стебли.

— Ну да. Я хотела поддержать тебя. Или, даже, поздравить с возвращением.

Я поспешно достала букет, осторожно выправляя примятые лепестки.

— Они прекрасны, — сказала я, поджав губы. Как хорошо, что Кейт решила позвонить, а не зайти. — Спасибо.

— Пожалуйста, — казалось я слышала как она улыбнулась. — Вообще я по делу. Мистер Хит собирает нас на совещание. Новый проект. Думаю, тебе стоит послушать. Ма... — она осеклась. — Впрочем, не важно. Зайду к тебе через десять минут.

— Хорошо.

Повесив трубку, я тут же достала вазу. Наполнив её водой, бережно опустила внутрь слегка помятый букет.

Подходя к конференц-залу, я чувствую, как горло пересыхает. На собрании, скорее всего, будет Майкл. Сама мысль о том, что придётся так долго сидеть с ним в одном помещении, кажется пыткой.

Но моё внимание отвлекают девушки, стоящие у стены справа. Их взгляды — косые, лениво-изучающие, и до меня доносятся:

— Как думаешь, она из-за этого пропала? — шепоток, но достаточно громкий, чтобы я уловила.

— Не знаю, но Кайли всё равно не дотягивает, — отвечает вторая.

— А по-моему, наоборот. Мужики, они же такие... особенно богатые. Сегодня одна, завтра другая.

Сердце ушло в пятки, дыхание сбилось. Казалось, воздух в груди застыл. Этот диалог слышала не только я — Кейт нахмурилась и метнула в их сторону злой взгляд. Я же сделала вид, будто ничего не заметила.

Переступив порог, я на миг застываю. Мистер Хит приветственно кивает, но я этого почти не замечаю: глаза, словно по команде, находят то, что парализует. Майкл. Он сидит у края длинного стола, вальяжно откинувшись на спинку стула, и говорит вполголоса с блондинкой, склонившись к ней чуть ближе, чем позволило бы приличие. Их плечи соприкасаются, и в этот миг меня будто окатывает горячей волной — словно в зале перекрыли кислород.

Она смеётся, запрокидывая голову и прикрывая рот ладонью, — и в этот миг я наконец узнаю её. Кайли. Теперь она выглядит иначе: слишком ухоженной, слишком тщательно продуманной. Волосы мягкими локонами спадают на плечи, скрывая тонкую ткань платья цвета шампань. Платье обтекает фигуру, подчёркивает её, — не вызываяюще, а выверено, почти элегантно. Запястье, тонко опоясанное цепочкой, ловило свет; длинные пальцы, блестящие перламутровым лаком, легко скользнули в воздухе и коснулись края манжета его пиджака. Я не знала, что поражает сильнее — её небрежная дерзость или то, что Майкл не отдёргнул руку. Он даже позволил себе лёгкую, почти насмешливую улыбку краем губ.

Внутри всё сжалось — глухо, туго, до болезненного скрипа, словно сердце пыталось согнуться вдвое.

Майкл слушал её, слегка наклонившись вперёд; в его лице — свежее выбритом, усталом, но собранном — не осталось ни следа той измученной тени, что я видела сегодня утром у лифта. Он выглядел иначе. Будто чужой. Слишком спокойный, словно последние месяцы, разорвавшие наши жизни на части, были всего лишь дурным сном.

Злость поднимается во мне волной, и сквозь гул в ушах я различаю ещё один шёпот за спиной:

— Смотри, как злятся. Она украла у Кайли эскизы, а теперь Кайли у неё парня.

Смех, хриплый, сдержанный, разносится по залу. Кейт бросает на них презрительный взгляд — и сплетницы тут же начинают кашлять, изображая равнодушие.

Я сажусь, опускаю глаза в блокнот и машинально начинаю выводить узоры. Всё что угодно, лишь бы не слышать, не видеть. Но смешки Кайли всё равно прорываются, цепляясь за мой слух, вплетаясь в рванные фразы его низкого, слишком узнаваемого голоса.

Как же я ненавижу себя за эту уязвимость.

Кейт сжимает мою руку под столом — короткий, поддерживающий жест. Потом, намеренно, окликает Кайли, втягивая её в разговор о работе. Я благодарна ей, но и это не спасает: мысли выскальзывают, внимание распадается.

Мистер Хит говорит о новых проектах, о деталях, но слова пролетают мимо меня. Я вижу только то, как близко сидят Майкл и Кайли.

Злость копится, пульсирует, давит изнутри. И когда, наконец, звучит фраза:

— Можете быть свободны на сегодня.

Я вскакиваю и вылетаю из зала, словно в нём закончился весь воздух, и если я не сделаю глоток, то упаду в обморок. Сбегаю по лестнице, не дожидаясь лифта, чтобы ни с кем не столкнуться, одновременно давясь слезами. Горло сжимает, грудь рвётся изнутри. Я не знаю, что больнее — то, что он делает всё демонстративно, не скрываясь от меня, или то, что он выбрал именно Кайли.

Зайдя в кабинет, я сбрасываю входящие звонки от Кейт. Она звонит уже третий раз, но я не готова говорить. Слезы застилают глаза, и я падаю на диван, уткнувшись лицом в подушку. Плачу навзрыд, не сдерживаясь, так, что внутри всё выворачивает.

Телефон звонит снова. На экране высвечивается имя Тима.

Не раздумывая, я снимаю трубку. Хриплый голос, разбитый слезами:

— Алло.

— Эй, эй... ты как? — его голос тревожный, мягкий.

— Я не знаю, — рыдания вырываются сами, грудь содрогается.

— Адель, послушай меня. Это всё временно. Знаю, сейчас кажется, что боль такая, что жить не хочется, но это пройдет. Всё проходит. Уж поверь... знаю не понаслышке, — добавляет он после паузы.

От этих слов мне становится ещё больнее. Почему я не могу полюбить его так, как он меня? С ним ведь, могла бы быть спокойная, ровная жизнь без интриг и предательства.

— Давай я заеду к тебе после работы, мы ходим куда-нибудь все вместе. Развеемся.

— Не хочу.

— А чего хочешь?

— Ничего, — отвечаю я сквозь слёзы.

— Ты не можешь ставить свою жизнь на паузу. Только не из-за него! — в голосе слышится почти злость, отчаяние.

Я молчу. Тишина нависает между нами, тяжёлая, как бетонная плита. Дверь распакивается — в кабинет влетает Кейт, лицо искажено яростью, застывшей в мрачной гримасе.

— Я никуда не пойду, — шепчу я, но голос звучит жалко.

Она подлетает ко мне, вырывает трубку из рук, смотрит на экран и без колебаний говорит:

— Пойдёт как миленькая. Мы будем ждать тебя вместе после работы.

И, не дав мне возразить, кладёт трубку.

— И сколько ты собираешься вот так себя и-истязать? — её голос резкий, больше похожий на крик.

Я смотрю на неё, не зная, что ответить.

— П-прекрати, Адель. Он того не стоит. Раз выбрал эту пустышку — всё, точка.

— Тогда почему так больно? — шепчу я, задыхаясь от слёз.

— Потому что ты человек, ч-чёрт возьми! — Кейт резко отходит к окну, затем возвращается и хватается за плечи. — Но ты должна решить. Либо принимаешь его назад, если готова, либо перестаёшь р-рвать себя на части и отпускаешь. Я не могу больше смотреть, как ты умираешь изо дня в день. Я люблю тебя, Адель. Ты слышишь? Мне больно видеть, что с тобой происходит.

Мой кивок выходит безжизненным, как у сломанной куклы.

— Ты права... пора отпустить.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.